

Джули Кэплин

Маленькое
кафе
в
Копенгагене

ШОРТ-ЛИСТ
ПРЕМИИ ЗА ЛУЧШИЙ
СОВРЕМЕННЫЙ
РОМАН 2019 ГОДА
ПО ВЕРСИИ RNA

Любовь в каждом городе

Джули Кэплин

Маленькое кафе в Копенгагене

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Сое)-44

Кэплин Д.

Маленькое кафе в Копенгагене / Д. Кэплин — «Эксмо»,
2018 — (Любовь в каждом городе)

ISBN 978-5-04-105825-8

Вы когда-нибудь испытывали чувство благодарности к городу за то, что будто родились заново? Отпустили все обиды, посмеялись над неудачами и нашли себя? Кейт Синклер, молодая журналистка из Лондона, никогда не нуждалась в такой перезагрузке, но у судьбы свои планы. Копенгаген становится важным местом для Кейт. Любовь переворачивает ее жизнь с ног на голову, и ей остается только довериться этому чувству, впустить в себя тепло, помахать прошлому рукой и поблагодарить Копенгаген за настоящее.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Сое)-44

ISBN 978-5-04-105825-8

© Кэплин Д., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8	35
Часть вторая	39
Глава 9	39
Глава 10	46
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джули Кэплин

Маленькое кафе в Копенгагене

*Копенгагенской команде,
Элисон Сайстер-Уайт & Йену Ли-Келли,
моим дорогим друзьям, сообщникам
и невероятно прекрасным дорожным эльфам.*

Часть первая Лондон

Глава 1

– До скорого! – Я чмокнула Джоша в губы, и мы обменялись улыбкой заговорщиков. Он привлек меня к себе и приготовился ко второму поцелую. Руки его, сначала пробравшись мне под куртку, скользнули ниже и потихоньку начали приподнимать подол платья.

– Ты точно не хочешь остаться еще, хоть ненадолго? – Надежда в его голосе граничила с уверенностью.

– Нет, не могу. Ты опоздаешь, да к тому же, – я посмотрела на дверь, – в любую минуту может заявиться Дэн.

Сосед Джоша, наделенный нюхом дурашливого лабрадора, так и норовящего сунуть нос под юбку, вечно вваливался в квартиру в самый неподходящий момент. Моя подруга Конни, к примеру, вела себя намного дипломатичнее, а точнее, была лучше воспитана.

Отпустив меня, Джош взял со стола миску с хлопьями и, привалившись к стене, стал лениво жевать, как будто никуда не спешил.

– До скорого, – подмигнул он мне.

Подхватив сумку с ноутбуком, я прикрыла за собой дверь его квартиры (замечу, куда более приличной, чем моя) и понеслась к метро, мысленно перебирая все, что мне предстояло сделать за день.

Два года я без проблем добиралась до работы (не считая толкучки, духоты, запаха пота и вечного чувства страха, что поезд опоздает), а именно сегодня проехала нужную остановку. Впервые в жизни. Первый подобный прокол – где бы это записать? В Лондоне нельзя расслабляться, здесь приходится постоянно быть начеку. Вечно что-то проверяешь: электронную почту, эсэмэски, соцсети. А я, надо же, вдруг глубоко задумалась: посмотрела через плечо соседа, взгляд упал на статью о каком-то новом образе жизни. Хюгге...¹ *Ерунда какая-то, полная чушь*, подумала я. Буквально на днях Конни тоже толковала мне об этом хюгге, размахивая какой-то книжицей и расставляя по комнате зажженные свечи, стараясь придать уют нашей унылой квартирке. Я мысленно доказывала ей, что пара свечей не исправят скверный вкус нашего домохозяина, но тут двери вагона закрылись... и моя Оксфорд-серкус осталась позади.

Впрочем, хотя и пришлось выходить на следующей остановке и ехать обратно, на работу я не опоздала (почти) – всего лишь появилась чуть позже обычного. Обычно я прихожу очень рано, демонстрируя преданность делу и серьезное отношение к трудовым обязанностям. При чем меня это не напрягает и я не стараюсь выслужиться перед начальством. Ну, может быть, самую малость. Я правда хожу на работу с радостью. Фу, звучит ужасно – вы решите, что я трудоголичка-подлиза. Но это совсем не так. Я руковожу отделом по связям с общественностью в одном из лучших лондонских PR-агентств. И когда говорю, что люблю свое дело, не вру (почти). Офисные разборки и подсиживание мне совсем не по душе, да и зарплата далека от идеала. Но есть надежда на скорые перемены: меня обещали повысить. И тогда я стала бы зарабатывать больше и, возможно, смогла бы позволить себе переезд в местечко попримечнее, где в гостиной стены не украшены мерзкой плесенью.

¹ Хюгге – понятие, возникшее в скандинавских странах, обозначающее чувство уюта и комфортного общения с ощущениями благополучия и удовлетворенности.

Итак, несмотря на случай в метро, мне даже хватило времени на то, чтобы позволить себе чашечку латте, да еще и с карамельным ликером. Только тогда, стоя в очереди, я заметила эсэмэску от своей начальницы Меган, которая просила меня первым делом, как приду, забежать к ней.

Но я лишь головой покачала и, улыбаясь, сунула мобильник в сумку. Заскочить к Меган я уже никак не успевала. Раз в две недели, по утрам в пятницу, сотрудники агентства – все пятьдесят пять человек – собирались утром в конференц-зале на пятиминутку, где нам сообщали об успехах и достижениях, а также о новых назначениях и других новостях. Две недели назад, после блестящего («ты большая молодец, ты просто супер!») завершения одного проекта, я подала заявку на повышение в должности. У меня имелись основания надеяться – нет, я была абсолютно уверена! – что вакантная должность руководителя сектора достанется именно мне. Меган сама мне на это намекала.

В предвкушении хороших новостей я с трудом сдерживалась, чтобы не бежать по лестнице вприпрыжку, и поднялась маленькими аккуратными шажками, как серьезный профессионал. Этого требовало и строгое облегающее черное платье, в котором, по мнению Конни, выглядела как Хиллари Клинтон на похоронах.

В конференц-зале я опустилась на так называемый *эргономичный* стул, с которым мое тело категорически отказывалось дружить. Подразумевалось, что изогнутый в форме волны лимонно-желтый пластик должен исправлять осанку, помогая сидеть в правильной позе. Но моя спина ясно давала понять, что больше любит сидеть неправильно.

Пытаясь приспособиться поудобнее, я наблюдала, как помещение постепенно заполняется людьми. Наш конференц-зал недавно заново декорировали, и теперь он выглядел мегаэкологично: примерно три квадратных метра на одной из стен были в живых растениях. Лично у меня зеленая стена вызвала мысли о кусачих насекомых и прочих букашках. Но по мысли создателей, она, видимо, должна была снабжать зал свежим кислородом (бывает ли, интересно, спертый кислород?) и тем самым помогать творчески мыслить. Кроме того, в зале появился небольшой медитативный водопад, призванный умиротворять и настраивать на глубокомысленные раздумья (хотя я обнаружила, что журчание водопада сразу заставляет меня хотеть в туалет и больше ни о чем не думать).

И все же, несмотря на претенциозность декора, я каждый раз захожу в конференц-зал с удовольствием. Я добилась успеха. Я работаю в «Мэшин Эдженси» – одной из ведущих лондонских компаний по связям с общественностью. Продвижение по карьерной лестнице шло успешно. Недурно для девочки из Хемел-Хемпстеда – самого гнусного городка во всей Великобритании. А сегодня мне предстояло подняться на новую ступеньку.

Слово взял исполнительный директор, а через пару секунд в зал вошел Джош. Он стремительно скользнул к стулу в первом ряду, обменявшись со мной быстрым взглядом. Я не заняла ему место, но он на это и не рассчитывал. Мы сразу решили не афишировать то, что Джош Дилэни и Кейт Синклер встречаются – тем более что трудились мы с ним в одной группе, в отделе потребительских услуг.

Исполнительный директор Эд закончил свою речь и собрался сделать несколько объявлений. Я замерла в радостном ожидании.

– Хочу сообщить вам о кадровой перестановке.

Я выпрямила спину и красиво скрестила ноги, а лицу придала скромное, но полное достоинства выражение. Вот оно. Происходит прямо сейчас. Дождалась.

– Прошу вас поприветствовать нового руководителя отдела – Джоша Дилэни.

– Кейт. – Я подняла голову, удивленная резким тоном начальницы. Как обычно, она выглядела идеально. Густые каштановые волосы слегка вились – женственно, но не легкомысленно, элегантный костюмчик по фигуре, но не в обтяжку, высокие каблуки – и сама высокая, стройная, крутая... злюка. – Мы можем поговорить?

Я кивнула, не доверяя голосу. В ее глазах я заметила искру сочувствия.

Следом за ней я прошла в кабинет, закрыла за собой дверь и по ее кивку села на темно-серый диванчик в стиле ретро, с виду уютный, но оказавшийся жутко неудобным.

– Я пыталась поговорить с тобой утром до совещания. Обычно ты к этому времени уже здесь.

В ответ я пожала плечами:

– Что-то случилось в метро.

Ни за что на свете я бы не призналась, что проехала остановку. Это совсем на меня не похоже.

Меган скрестила руки на груди и медленно зашагала по кабинету.

– Извини, что новость дошла до тебя так поздно. Знаю, ты рассчитывала на это повышение, но... совет решил, что тебе необходимо больше опыта. Больше основательности.

Я кивнула. Мисс Подобострастие, начальница всегда права – вот черт. Основательность? Это что еще за...

– И, – ее накрашенные губы презрительно изогнулись, – ты пока еще очень молода.

Мы с Джошем вообще-то ровесники. Но я поняла, к чему она клонит.

– Они захотели взять мужчину?

Меган ответила не сразу. Я восприняла ее молчание как согласие.

– Их очень впечатлили предложения Джоша для косметологической фирмы. По-моему, именно это качнуло маятник в его пользу. У него есть творческая жилка и... основательность.

Я снова кивнула, чувствуя себя чертовым дятлом. Творческая жилка, чтоб его! Да она у него только в одном: спереть мои идеи и выдать за свои.

Внутри все кипело от негодования. Меня ошеломила эта подстава. На совещании мне еще удавалось якобы беззаботно потягивать свой нелепо дорогой кофе, в душе ненавидя себя за то, что купила его. Но больше всего меня заботило не то, как изобразить равнодушие (ах, я совсем не огорчена, что вы, суший пустяк). Две мысли грызли меня по-настоящему: первая – Джош даже не обмолвился мне, что подал заявление на ту же должность, а вторая – эти самые «гениальные идеи по использованию мобильного приложения в кампании новых средств по уходу за кожей» принадлежали, как это ни прискорбно, мне.

– Кейт, мы очень ценим тебя, и я уверена, что через пару месяцев мы сможем вернуться к этому вопросу.

Я кивнула, сжав зубы, хотя от Меган, конечно, все равно не укрылась предательская дрожь моей нижней губы. Зато она вряд ли догадывалась, что, глядя на свои черные лаковые туфли (в самый раз для особы, ожидающей повышения), я представляю, как эти шпильки впишутся кое-кому прямо в мягкое место.

Со вздохом начальница полистала какие-то бумаги на столе.

– А сейчас смотри: у меня кое-что есть... совсем новенькое. Думаю, тебе стоит на это взглянуть. Вообще, мы не собирались за это браться, но... мы ничего не потеряем, если ты вдруг захочешь попробовать свои силы.

Слова ее прозвучали не слишком ободряюще, но это было хоть что-то.

Я наклонила голову, изображая, что внимательно слушаю, а сама пыталась скрыть уныние.

– С нами связался Ларс Вильдер.

– Серьезно? – Я нахмурилась. Три месяца назад датский предприниматель Ларс Вильдер устроил ажиотаж в лондонских агентствах, где все прыгали вокруг него, как фанатеющие подростки, наперебой стараясь помочь его бизнесу.

– Встретился с... – и Меган назвала наших основных конкурентов, – но с ними у него не заладилось, так что он все еще в поиске. Ему нужна хорошая информационная кампания, чтобы прорекламирровать открытие нового датского универмага. Из предложенных вариантов

ему ничего не понравилось. Нужен свежий взгляд. Для тебя это могло бы быть отличной возможностью показать себя.

– Но? – спросила я, заметив ее неуверенность.

– Он хочет увидеть презентацию уже послезавтра.

– Два дня? – Она, похоже, смеется. Но нет, Меган была убийственно серьезна. Обычно мы неделями готовили эти презентации со всеми прибабасами и наворотами, красивыми слайдами, крутой графикой и серьезной маркетинговой проработкой.

– Уже в середине дня он вылетает в Данию и перед этим хочет зайти к нам. Я уже собиралась позвонить и извиниться за то, что мы не возьмемся за это, но...

– Я все сделаю.

Я, черт возьми, всем вам покажу, я утру нос и Джошу Дилэни, и начальству.

– Ты уверена?

– Да, – сказала я. Это было полным безумием, да – но никто потом не скажет, что я сложила лапки и даже не попыталась.

– Конечно, никто не ждет, что ты уложишь его на лопатки, но лучше нам выйти хоть с чем-нибудь, чем ответить ему отказом. А тебе – очко за смелость, начальство оценит. Попытка, конечно, почти безнадежная, но хоть покажем ему, что мы что-то сделали.

– Где материалы? – спросила я, расправляя плечи. Терять было нечего, а выиграть я могла все.

Меган протянула мне один-единственный листок бумаги. Я ничего не могла понять. Где же документы, которые мы обычно получаем, – множество страниц статистики, с вычурными шрифтами, заголовками и подзаголовками о кредо, ценностях, истории бренда на рынке и размере ноги директора по маркетингу.

ЙЕМ²

Перенести душу хюгге

в Англию, на Мэрилибоун-Хай-стрит

– И это все? – Не веря своим глазам, я смотрела на три строчки простого шрифта, на буквы, бегущие по белому листу, как следы по снегу. Вот она, моя *отличная возможность*. Она издевается, не иначе. Сунула мне пару маникюрных ножничек и предлагает подстричь футбольное поле на стадионе Уэмбли к финалу чемпионата мира. Моя карьера и шанс показать Джошу Дилэни, что я снова на коне, свелись к этому?

² Нјем (дат.) – дом.

Глава 2

– Конни! – Я с криком влетела в квартиру и, бросив в разные стороны туфли и сумку, метнулась на кухню. – Нужна твоя помощь. Да – и вот это нам тоже понадобится.

Не сводя глаз с бутылки просекко в моей руке, Конни начала выбираться с насиженного места – из-за стола, вечно заваленного школьными тетрадями.

Наша квартира была очень удачным приобретением – с точки зрения доступности. Пол в гостиной был затянут тонким дешевым покрытием, через которое ощущался каждый гвоздик в половицах. Мебель – несколько разрозненных предметов – позволяла этому месту не выглядеть пустыней, но не более того. Главной изюминкой гостиной был телевизор с плоским экраном, подключенный к DVD-плееру. Он-то в основном и обеспечивал нам досуг: мы часто пребывали в расстроенных чувствах, по вечерам распивая бутылочку вина, сидя перед романтической комедией в одеялах, потому что в квартире царил вечный холод.

Тепло зависело от бойлера, но он отличался ленивым характером. Хозяин квартиры явно не горел желанием его чинить, а мы уже устали жаловаться.

– Просекко, ух ты. И год хороший. Из супермаркета, за шесть девяносто пять? – Глаза Конни загорелись, как всегда, когда речь заходила о спиртном.

– Нет, из «Маркса и Спенсера» на вокзале Виктория. Девять девяносто девять. Я купила его вчера, когда *думала*, что меня ждет повышение.

– Вот дерьмо. Так тебя не повысили? А что случилось?

– Случился этот недоносек Джош Дилэни.

– Что он учудил? – Конни так ни разу и не видела Джоша, поскольку он предпочитал встречаться со мной на своей территории.

– Что он учудил? Украл мою должность. И знаешь, что еще сделал этот подонок? – Голос у меня поднялся до таких нот, что позавидовал бы хор мальчиков. – Он украл мои идеи и выдал за свои.

– И ты не могла никому рассказать?

– А что тут скажешь? Не стану же я делиться с директором историей, как откровенничала с Джошем после секса и выболтала всю стратегию развития бренда и идею нового приложения.

Конни подняла руку:

– Солнце, не сбивай меня с толку умными словами. Но вообще, если ты в постели о таком болтаешь... тебе явно не хватает общения.

– Эх, жалко, тебя там не было.

– Слава богу, что меня не было. – Она прижала бокал к щеке. – А *он*-то что тебе сказал? Я закрыла глаза и покачала головой.

Джош перестал забрасывать меня эсэмэсками, только когда я согласилась увидеться с ним на лестничной клетке. Никто в нашей компании никогда не пользовался лестницей.

Надо отдать ему должное – он хотел извиниться.

– Послушай, Кейт. Я понимаю, что ты огорчена. Но дай мне объяснить. Идею с приложением я упомянул лишь вскользь. Я не предъявлял на нее права и не говорил, что сам это придумал, но они ужасно заинтересовались.

– Но почему ты молчал? Почему не сказал мне, что подал заявку на повышение?

– Начнем с того, что я не придавал этому значения. Более того... Понимаешь, когда тебе исполняется тридцать, то начинаешь думать о будущем. Тебе-то хорошо. А мне в будущем предстоит кормить семью. Повышение мне просто необходимо.

– Что, прости? Тебе в будущем предстоит кормить семью? – Я повторила его слова, будто пытаюсь понять, не ослышалась ли. Отказываясь верить в услышанное, я прижала ладони к щекам. Он не может говорить это всерьез.

– Кейт, ты рано или поздно выскочишь замуж, заведешь детей. Тебе не нужна карьера, не нужно зарабатывать.

– Я... я... – Все, что я могла, – это издавать бессвязные звуки.

– Ой, да брось! Папочка тебя не оставит, когда тебе надоест играть в бизнес-леди.

– Ты серьезно?! – Я уставилась на его красивое лицо, обратив внимание на слабый безвольный подбородок, рассмотрела стрижку, как у ученика привилегированной школы (челка явно прикрывала раннюю лысину), и неплохо скроенный костюм, маскирующий выпирающее брюшко. – А еще говорят, неандертальцы вымерли сорок тысяч лет назад.

Закончив рассказ, я подлила себе просекко и подняла бокал, приветствуя Конни.

Она фыркнула так, что игристое полилось из ноздрей, и долго потом сопела и хрюкала, пока меня тоже не пробило.

– Да быть того не может.

С Конни мы как родня. Всю жизнь жили в одном доме, только она двумя этажами ниже. Мамы познакомились еще до нашего рождения. А когда мы обе переехали в Лондон, то не сговариваясь решили поселиться вдвоем – другие варианты даже не рассматривались. Нам с ней многое пришлось пережить вместе. Ее мама сбежала с молочником (честное слово, не шучу), а у моей оказалась аневризма, унесшая ее жизнь в один миг. Вот только что была мама, и вдруг уже нет ее. Для семьи это стало тяжелой потерей, и, откровенно говоря, рана до сих пор не затянулась.

Я мотала головой, кусая губы, и истерически хохотала вместе с Конни.

– Ты давай, предупреди папу, чтоб начинал ремонтировать свой «Роллс-Ройс».

Я только руками замахала. Наконец мы немного успокоились.

– Прости, Кейт, но твой отец – полный ублюдок.

Конни знала, что я помогаю ему деньгами для выплаты ипотеки.

– Подлей-ка, – она протянула свой бокал. – Скажи, но ты хоть врзала ему?

– Можешь не сомневаться.

– Молодец. И потом, надеюсь, отрезала ему яйца?

– Черт, так и знала, что что-то забыла.

Конни притихла, опершись подбородком на ладонь, и мы обе погрузились в задумчивое молчание. Я бы посмеялась над предательством Джоша, но было слишком обидно и больно. Мы встречались недолго, но меня радовали эти отношения и то, что мы вместе. В Лондоне очень легко почувствовать себя одиноким. Так приятно, когда есть тот, о ком можно позаботиться. Мы оба вкалывали на работе и, следовательно, имели много общего. Поэтому все складывалось удачно.

– Кейти, а оно того стоит? – Голос подруги подобрел.

Как странно. Мы с Конни обычно не разговаривали серьезно.

– Ты о чем? – поинтересовалась я, быстро проглотив остатки просекко и чувствуя, как сводит плечи от напряжения.

– Сама знаешь. Твоя работа. В последнее время ты ничем больше не занималась. Только работа. Даже Джош – он тоже связан с работой. Тебе нужно переключиться, отвлечься.

– Да у меня сплошь одни развлечения, и кстати, у меня скоро вечеринка. Правда, предполагалось, что мы идем туда с Джошем. А есть надежда, что ты одолжишь мне синее платье?

– Да бери, конечно. А что за место?

– Ну... это... официальное мероприятие.

Конни застонала:

– Снова работа, да?

– Вручение наград отдела. Поощрение газетчиков за большие тиражи. Но там будет весело – а свою работу я люблю.

– Захватывающе. Ну нет. – Она отставила бокал и подвинула к себе стопку тетрадей. – Серьезно, Кейти, я беспокоюсь. Ты похожа на хомяка в колесе. Бежишь, бежишь, бежишь, иногда выскакиваешь, чтобы ухватить семечку, но сразу не ешь, а прячешь за щеку – пригодится. Я и сама на работе пашу, но у меня хотя бы есть школьные каникулы, чтобы как следует отдохнуть. А ты? У тебя есть время для себя? Когда я по выходным приезжаю домой, папа хлопочет. А ты приезжаешь домой и тут же начинаешь прибираться, стирать, ухаживаешь за папой и братьями. Набиваешь им холодильник и кладовку. Но все равно не можешь заменить маму. Ты и сама это знаешь. Рано или поздно им придется самим о себе заботиться.

– Я за них переживаю. Волнуюсь, что папа плохо питается.

– И думаешь, что этим ты ему поможешь?

Это помогало мне заглушить чувство вины за то, что я уехала и бросила их.

– Они – моя семья, как же не помогать? И зарабатываю я намного больше, чем они.

– Знаю, но давай посмотрим правде в глаза. Джон уже прекрасно мог бы сам тянуть ляжку. Сколько раз он менял работу? И всегда увольнялся сам, пока не выгнали под зад, потому что бездельничал. А Брендон? – Упомянув моего младшего брата, Конни слегка улыбнулась. – Тоже тот еще жук, но не дурак. Как здорово у него получилась модель ТАРДИС³ – уму непостижимо! Негодник.

Мой брат увлеклся научной фантастикой и в свободное время мастерил модели всяких штучек из любимых фильмов и сериалов. Конни постучала ногтями по бокалу и выпрямилась. – Если бы он поменьше резался в свою дурацкую *Фифу*⁴, то имел бы все шансы получить достойную работу. Он способен на большее, чем просто отсиживать по несколько часов в день на складе списанных автомобилей. Да и папочка твой не такой уж никчемный, каким притворяется.

Закончив тираду, Конни плотно сжала губы, изобразив законченность мысли.

В комнате повисло неловкое молчание. Я любила подругу, и она однозначно понимала меня лучше, чем родственники, но критиковать их – дело мое, а не ее.

– Ты говорила, что тебе нужна помощь. Только не проси гоняться за подонком Дилэни с острым ножом. Если поймают, моему директору это не понравится. Так чего ты хотела?

– Ту книгу. Где про свечи.

– «Искусство *хюгге*».

– Как-как? – захохотала я. – Ты случайно не заболела?

– Еще чего, вот болтушка. – Конни усмехнулась, и как по мановению волшебной палочки вся неловкость между нами исчезла. – Это датское слово! – И она снова его повторила, не то *хюгге*, не то *хыгги*. В ее исполнении это было похоже на воинственный клич или на молитву большому белому туалетному богу.

– Значит, так это произносится? – удивилась я. – Понять бы, что это означает... Эта книга о датском дизайне интерьеров?

Конни в ужасе уставилась на меня.

– Что ты, нет! Это про отношения. Про подход к жизни, – и она подвинула к себе большую тележку из супермаркета (с которой, казалось, она никогда не расставалась. Быть учителем означает таскать с собой огромное количество всякой всячины). – Это идеи одного горячего датского парня, он дальний родственник Вигго Мортенсена⁵ и руководит Институтом счастья или чем-то таким.

³ ТАРДИС – машина времени и космический корабль из британского телесериала «Доктор Кто».

⁴ Здесь имеется в виду компьютерная игра FIFA-online.

⁵ Датско-американский актер, писатель, фотограф и художник. Обрел мировую известность после роли Арагорна в кино-

При упоминании Вигго я встрепенулась. Мы обе были от него без ума с тех пор, как посмотрели «Властелина колец».

– Я много про это читала. Ты знала, что по уровню жизни Дания признана лучшей страной в мире?

– Сегодня утром как раз читала статью об этом. Но меня заметка не убедила. Судя по скандинавским триллерам, у них там чудовищно высокий уровень смертности, сумасшедшие женщины-детективы и бесконечные дожди. Как-то не бьется со счастьем...

– Нет, серьезно. Книга о том, как улучшить свою жизнь с помощью мелочей. – Кажется, Конни говорила искренне. Только это удержало меня от издевательских комментариев. – Вот, к примеру, свечи, – она показала на три свечи на камине и поморщилась. – Предполагается, что они помогают сделать дом уютнее.

– Но это не работает.

– Знаю. Мешает синяя плесень на стене.

– Нам надо снова поговорить с домовладельцем. Хотя после папиного дома я вообще ничего хорошего не жду. – Я устало потерла синяки под глазами. Конни права насчет хомяка в колесе. В сутках недостаточно часов. – Мне необходим экспресс-курс по этому *хы*... Как ты там сказала? Послезавтра надо подать заявку. Можно я позаимствую книгу?

Глава 3

Я переживала и сомневалась. Вот и настал день моего триумфа. самого неожиданного триумфа за всю карьеру и единственный шанс показать Джошу и начальству, на что я способна. Так почему же все свои упования я возложила на какие-то жалкие свечки, несколько березовых веточек, дорогую лампу и совместные усилия ребят из студии, которые помогли вынести лишнюю мебель? Правда, Меган обещала, что покроет расходы, но вряд ли она имела в виду лампу за две сотни фунтов – м-да... зато уютный золотистый свет, заливший комнату, был в точности таким, как на картинке в книжке Конни.

Я запретила себе даже думать о том, насколько устала. прошлой ночью я вернулась домой после десяти вечера, обегав всю Оксфорд-стрит, а потом почти до рассвета возилась на кухне, совершенствуясь в изготовлении традиционного датского овсяного печенья: Конни поклялась, что это печенье – квинтэссенция *hygge*.

Вчерашние приготовления к великому триумфу заключались в том, что я от корки до корки прочла эту книгу, потом долго рассматривала в Интернете картинки с носками, свечами, шерстяными пледами на плечах влюбленных парочек, варежками на руках, сжимающих кружки с горячим шоколадом. И только после этого отправилась в марафон по магазинам.

В конце концов любовь датчан к свечам нашла отражение в оформлении нашего офиса – именно это и стало отправной точкой в моей кампании по завоеванию Ларса. Я примчалась в офис к семи утра с единственной целью – *хюггифицировать* (встречайте – новый глагол в моем словаре) самую маленькую в здании переговорную комнату. Придать ей уют было непросто, но я очень рассчитывала на свечи и дорогие лампы.

Имелись также две купленные в *Антропологии* яркие кружки с буквами Л и К, чай и тарелка с моим домашним печеньем. Хотя оно выглядело сомнительно (и даже это сомнительное получилось аж с третьей попытки), мне стоило немалых трудов отогнать от него коллег, чтобы не съели все подчистую.

Наконец все было готово – по крайней мере, я сделала что могла. Притащила в комнату два стула, отличающиеся друг от друга по стилю, но они самые удобные, какие удалось найти. стояли они у довольно симпатичного стола из березы – образец, оставшийся у нас после рекламной кампании фирмы «Эркол». С книжной полки, которую по моему настоянию принесли с другого этажа, я выкинула все книги, а затем, обойдя все кабинеты, подобрала несколько ярких томиков, которые мило смотрелись вместе.

Чтобы не переборщить со свечами, я решила использовать всего пять: три на столе, а еще две на книжной полке, куда я водрузила чайник с кипятком, кофейник, заварочный чайничек, молоко, сахар и прочее. Это уж точно по-датски – такие чайные декорации. Я даже попыталась пристроить веселенький желтенький горшочек с березовыми ветками, но позвонила секретарша и сообщила, что *он* пришел. Как бы я ни старалась, ветки все равно выглядели как куча бесполезных прутьев.

Обаятельный блондин (естественно) Ларс Вильдер, исполнительный директор датского универсама «Йем», – высокий и излучающий здоровье. Его внешний вид полностью отвечал представлениям о жителях скандинавских стран. Во всяком случае, у меня они были именно такие. Больше шести футов ростом – настоящий викинг.

– Доброе утро, я Кейт Синклер, – и протянула руку. Судя по всему, он был абсолютно расслаблен и невозмутим, не то что я (у меня в животе будто прыгали лягушки).

– Доброе утро, Кейт. Я Ларс. Очень благодарен за то, что вы согласились встретиться сегодня.

Я всмотрелась в его лицо, не насмехается ли. Обычно заказчики такого уровня не благодарили за встречу – для них всегда было нормально, что мы прыгаем перед ними на задних лапках.

Неяркое теплое освещение контрастировало с ослепительными огнями в коридоре, и я заметила, что Ларс одобрительно посмотрел по сторонам.

– Прошу, присаживайтесь, – я показала ему на кожаное кресло-бочонок с небрежно брошенной на подлокотник шалью. Стул напротив – в стиле 80-х, металлическая рама, обтянутая кожей, – был намного удобнее, чем казался.

Я занялась приготовлением чая. Странно, но это сработало. Разговор стал более непринужденным, и я поинтересовалась, хорошо ли он доехал.

В конце концов мы оба сели за стол, хотя мне казалось, что чайник украл у нас десять драгоценных минут встречи.

– Отличное печенье, – заметил Ларс и, одобрительно кивая, потянулся за добавкой.

– Спасибо.

– Это вы пекли?

Я развела руками, как бы говоря, что ничего такого в этом нет, а сама вспомнила разгром на кухне и забракованные образцы в контейнере. Нам с Конни предстояло их есть еще не одну неделю.

Ларс откусил кусочек.

– Очень вкусно.

– Семейный рецепт, – соврала я. Мама пекла нежирный бисквит «Виктория», но никогда в жизни не делала овсяного печенья.

– О, семейный. – Он одарил меня широкой улыбкой и взмахнул руками, подчеркивая важность своих слов. – Это очень важно... как и фамильные рецепты. Моя мама знаменита своими *канельснегле*.

Я кивнула и улыбнулась в ответ, будто знала, что это за *канельснегле* такие.

– Она уверена, что любую проблему можно решить с помощью булочек.

Это показалось мне немного странным, но я не подала виду – парень явно обожал свою маму.

– Мама держит кафе «Варме», по-датски это означает «тепло». О, это необыкновенное место. Моей матери нравится заботиться о людях.

Это прекрасно – иметь кого-то, кто бы о тебе заботился. Мне последние несколько лет приходилось все делать на свой страх и риск, в одиночку плыть против течения.

– Это я и хочу принести в Англию – тепло и домашний уют.

Ларс прочистил горло, и я осознала, что действительно задумалась над этим.

– Моя мама точно одобрила бы это, – он окинул взглядом комнату, – все это очень соответствует духу *хюгге*. Вы хорошо потрудились. Очень по-датски. Я вижу, что вы уже чувствуете, что такое *хюгге*. Кружки мне очень нравятся.

– Спасибо. Я благодарна за ваш визит и возможность поговорить.

Ларс вдруг рассмеялся:

– Нет-нет. Вы ненавидите меня за то, что я свалился вам на голову в последнюю минуту и не дал никакой информации. – Датский акцент придавал его словам какую-то нежность.

Я улыбнулась:

– Да уж, подход не совсем традиционный, зато вам удалось нас заинтриговать.

– Так заинтриговал, что ваша компания выставила тяжелую артиллерию... и домашнее печенье.

– Мне просто стало интересно. А сложных задач я не боюсь. Как вы сказали, на подготовку почти не было времени, однако отдел, где я работаю, уделяет много внимания именно стилю жизни. Среди наших клиентов мебельная фирма, кофейная компания, сеть сырных

магазинов и группа бутик-отелей. Моей квалификации более чем достаточно, чтобы справиться с вашим заданием. Моя начальница сегодня в отъезде (я мысленно скрестила пальцы), и она отправила меня на разговор с вами. (И дело вовсе не в том, что я отчаянно нуждаюсь в повышении.)

– Я почти не дал вам времени подготовиться, но вы отлично справились. И к тому же не забрасывали меня вопросами по электронной почте. – Он еще раз осмотрел комнату. Думаю, искал проектор и ноутбук.

– Буду с вами честна. Я ничего не подготовила. И не потому, что времени не хватило. Просто почувствовала, что в своем деле вы эксперт и лучше всех знаете, чего хотите. Мне известно, что вы побывали во многих крупных агентствах. Наверняка вам предложили кучу безумных идей, но ни одна из них вас не устроила. Вот я и решила: лучше сначала встретиться и поговорить, чтобы понять, что вы ищете. Я чувствовала, что традиционный подход здесь вряд ли поможет.

Лицо Ларса расплылось в широкой улыбке. Он вскочил и зашагал по комнате, убрав руки за спину.

– Вы мне нравитесь, Кейт Синклер, и нравится ход ваших мыслей. Мы, датчане, предпочитаем подходить к делу продуманно. К тому же уловили суть *хюгге*.

В его устах слово *хюгге* звучало совсем не как устрашающий воинственный клич.

– Вам виднее, но я считаю, что до полного понимания мне еще далеко. Видели бы вы место, где я живу.

– Вот именно, – перебил Ларс. – В каждом агентстве, куда я обращался, старались объяснить, что это такое. А ведь это тяжело объяснимое и воспринимаемое людьми по-разному чувство. Я видел множество презентаций. Если бы я услышал еще один проект *хюгге* быстрого приготовления, *хюгге* навynos, ремонта в стиле *хюгге* или *хюгге*-уик-энда, то уничтожил бы, наверное, все свечи в Англии. – Агентства, где мы побывали, – он замялся, – были слишком... Трудно объяснить словами. Они были слишком... – Ларс пожал плечами. Окинув глазами комнату, он с улыбкой посмотрел на свечи. – А вы... вы все уловили.

Я мило кивнула и продолжила слушать.

– Наш магазин, «Йем», задуман как нечто большее, чем просто свечи, пледы и продукты, которые можно в нем купить, – а все будто уверены, что это и есть *хюгге*. Я хочу, чтобы люди чувствовали его, чтобы им хотелось задержаться, провести в магазине больше времени. Там будут выставки, места для отдыха, мастер-классы – по флористике, кулинарии, вязанию, изготовлению рождественских украшений. Это живое сообщество и только во вторую очередь – универмаг.

– Звучит интересно. – И я задумалась, каким образом он намерен превратить все это в пиар-кампанию.

– Но нам важно, чтобы люди правильно понимали *хюгге*.

Я кивнула. Нечто эфемерное упорно не желало приобретать конкретных очертаний.

– Поэтому я хочу, чтобы несколько человек отправились в Копенгаген, а мы покажем им, как и чем живут датчане. Так у них появится возможность уловить дух *хюгге*.

– Шикарная идея, – отозвалась я, размышляя, как было бы классно отправиться в Данию и какой чудесный и обаятельный этот Ларс.

– Ох, Кейт, я так и знал, что нашел в вас подходящего человека. Во всех остальных агентствах мне сказали, что это слишком сложная задача, что никто не захочет ехать в Данию больше чем на один вечер. Думаю, мы с вами сработаемся.

– Мы?

Он предложил мне работу?

– Да, я просматривал все эти агентства и искал то, что мне подойдет. Вы мне подходите. Итак, мы можем начать прямо сейчас. Скажите, вы сможете составить список из шести журналистов?

– Шести журналистов? – переспросила я.

– Да, чтобы повезти их в Данию. Думаю, пяти дней будет вполне достаточно.

– Шесть журналистов. Пять дней, – эхом отозвалась я.

Ларс одобрительно кивнул.

– Прекрасно. За пять дней мы успеем показать им лучшее, что может предложить Копенгаген, познакомить их с *хюгге*, и я знаю, кто нам в этом поможет.

Ну и жуть. Неудивительно, что в остальных агентствах от него откристились. По прошлому опыту я знала, что журналистов почти невозможно уломать на командировку. А тут пятидневная поездка за границу! Если у меня все же получится, то это чудо! Во что я влипла?

Глава 4

Везучая ты телка.

Сообщение от Конни пришло, когда я заканчивала список журналистов. Я нацарапала еще пару заметок и только потом ответила подруге.

Так и быть. Привезу тебе LEGO.

А может, возьмешь меня с собой? Я притворюсь журналисткой «Газетт», пишущей путевые заметки. Никто не станет проверять!

Я дам тебе знать, если все будет совсем плохо.

До сих пор я еще не опомнилась оттого, что превзошла всеобщие ожидания и сорвала куш. Теперь от меня требовалось всего-навсего подобрать журналистов для поездки. Легче сказать, чем сделать. На собрании в пятницу меня расхвалили на все голоса, и я отработала скромную позу оскароносца («ну что вы, право... это сущая мелочь!»), добавив к этому победный взгляд в сторону Джоша Дилэни («выкуси!»).

Мерзавец шутливо отсалютовал мне – мол, поздравляю, молодец. На его лице мелькнуло даже что-то вроде невольного восхищения. А ведь он уже успел мне подгадить на первом совещании с Ларсом после того, как я получила задание. Когда я оглашала предварительный список журналистов для поездки, он просто не мог промолчать. Должен был блеснуть знаниями – как же иначе?

– А ты не думала привлечь «Воскресный исследователь», Кейт? У них тиражи вдвое выше, чем у «Курьера». И у них новый перспективный редактор – Бенедикт Джонсон.

Обычно корреспонденты переходят из газеты в газету, из журнала в журнал, и многих из них я знаю. Имя этого парня мне ни о чем не говорило. Кто бы сомневался, чертов Джош снова оказался на шаг впереди.

– Я позвоню и поговорю с ним, – и с улыбкой посмотрела на Джоша. Мало ему, он продолжает играть со мной в кошки-мышки.

– Могу я поговорить с Бенедиктом Джонсоном? – пропела я приветливым голосом.

– Слушаю, – позвучало немного грубо.

– Привет. Это Кейт Синклер из «Мэшин Эдженси». Я...

– У вас пять секунд. – В этих словах чувствовалась враждебность.

– Простите? – Я опешила, не поверив в услышанное.

– Четыре.

Конечно, следовало бы предложить ему какое-нибудь анатомически невыполнимое действие, но я так растерялась и смутилась, что поддалась на эту провокацию с истекающим временем.

– Я звоню спросить, не захотите ли вы принять участие в пресс-туре в Копенгаген? Цель поездки – понять, почему датчан называют самой счастливой нацией в мире. Поездка продлится около недели, мы посетим множество интересных мест, в том числе Датский институт счастья.

– Нет. – И на том конце повесили трубку. Ну и хам.

Я со злостью бросила телефон на стол. Самоуверенный кретин. Что он о себе возомнил? Где научился так грубить людям?

Я снова набрала тот же номер.

– Вы всегда так грубы? – поинтересовалась я.

– Только с пиарщиками, а еще с теми, кто предлагает страховку и кто попусту отнимает мое время. Вы – что-то среднее.

– Вы даже не обдумали мое предложение. И даже не знаете, на кого я работаю.

– Нет. Меня это не интересует, будь это хоть сам кронпринц Дании.

Когда кто-то так груб, в этом есть плюсы – ты можешь нагрубить в ответ.

– Вы всегда такой ограниченный?

– Как я могу быть ограниченным? Я журналист!

– Мне вы таким показались.

– Что – только потому, что не пишу рекламные и информационные статьи?

– Я не прошу вас писать рекламную статью и кого-то продвигать. Я предлагаю возможность узнать побольше о датском образе жизни и понять, чему мы могли бы у них научиться.

– Что – ах, совсем случайно – включает написание статьи о продукте вашего клиента.

– Как правило, бывает именно так, но тут совсем другое.

– Вот бы мне платили по фунту за каждого пиарщика, который так говорит.

– Извините, но я не пиарщик. Связи с общественностью. И я – меня, кстати, зовут Кейт – делаю ту же работу, что и вы. А если бы вы не твякали, как бешеная лисица, а дали возможность объяснить суть, то узнали бы, что мои клиенты хотят продвинуть лишь концепцию, а не конкретный магазин.

– Бешеная лисица?

Я услышала сдавленный смешок.

– Так меня еще не называли. С кем меня только не сравнивали, но определенно не с бешеной лисицей.

– Ничего удивительного – если вы со всеми так же прямолинейны. Возможно, мне стоило бы предложить вам неделю в школе хороших манер. – Мне начинал нравиться этот разговор.

– Такие еще существуют? А что, интересная мысль.

– Вы что, гуглите? – я услышала стук клавиш.

– Возможно. А может быть, занимаюсь своей работой, как и планировал, пока вы меня не отвлекли.

– Слушайте, я думала, вас это заинтересует, мое предложение.

– Вы меня даже не знаете.

– Я знаю газету, знаю материалы, которые раньше публиковали в рубрике, посвященной стилю жизни. Это далеко не уголок скрытой рекламы.

– А, так речь все же о рекламе. – Я выдержала паузу. – Ха! Так я и знал.

– Это новый универмаг, но речь о концепции.

– Концепция – звучит слишком расплывчато.

При попытке объяснить это словами, все действительно расплывалось. Когда об этом же говорил Ларс, все казалось абсолютно логичным.

– Он называется «Йем». Откроется в конце года, но владельцы уже сейчас хотят пригласить небольшую группу журналистов в Копенгаген, где они смогут познакомиться с идеей *хюгге*.

– Свечи и пледы. Это совершенно себя изжило.

– Вот-вот. Сами видите – вы даже не попытались вникнуть в то, что за этим стоит.

– Мне и не нужно ни во что вникать. Это меня не интересует. Ни сейчас. Ни потом. Никогда.

– И такое отношение совсем не кажется вам признаком узколюбости?

– Нет, просто я твердо знаю, чего хочу, и не поддаюсь воздействию.

– Можно я хотя бы пришлю вам по электронной почте более подробную информацию и план поездки?

– Нет.

– Вам трудно даже пробежать глазами короткое сообщение?

– Знаете, сколько коротеньких сообщений от пиарщиков я получаю ежедневно?

– Что ж вы такой сердитый?

– Потому что такие, как вы, постоянно меня достают.

– Мне кажется, именно вам было бы особенно полезно съездить в Данию – глядишь, чему-то и научились бы.

Повисло молчание, я сжалась, ожидая, что он снова повесит трубку. Вместо этого я услышала заинтересованность.

– Вы хоть когда-нибудь сдаетесь? – спросил он.

– Нет, если речь идет о том, во что верю, – заявила я горячо, но не до конца искренне. Да, я верила в видение Ларса и в то, чего он хотел достичь. Но положив руку на сердце, сама я скорее тоже скептически относилась к лагерю «все проблемы решит дуэт свечи и пледа».

– Простите, я так и не проглотил наживку, но поговорить с вами было приятно, Кейт... не помню вашей фамилии. Вы скрасили мой скучный день.

– Всегда рада помочь, – мрачно отозвалась я и посмотрела на экран мобильного. – На этот раз вы уделите мне две минуты и четыре секунды своего времени. Советую пересмотреть вашу стратегию пяти секунд.

Он засмеялся.

– Хоть вы и пиарщик, Кейт Синклер, вы нравитесь мне все больше.

– Сожалею, что не могу ответить взаимностью, – сладким голосом пропела я и положила трубку.

Вычеркнув его из списка, я решила попробовать связаться с остальными кандидатами в надежде, что они окажутся более сговорчивыми и отнесутся к поездке в Копенгаген лучше, чем Бенедикт «Бешеная лисица» Джонсон.

– Звучит заманчиво, дорогая, – сказал редактор из «Курьера», – но меня пригласили в пресс-тур в Донкастер⁶. Кто бы подумал, что придется выбирать между Донкастером и Данией?!

– Уверена, я сумею убедить вас выбрать Копенгаген.

– Ты, радость моя, легко можешь склонить меня к чему угодно. Но проблема в том, что убеждать надо не меня, а ту, перед которой все трепещут. Решаю не я, а эта карга, ответственная за поступления от рекламы. Поездку на север оплачивает толстосум с кучей денег на рекламную акцию. Если ты не можешь обещать, что твой клиент готов прилично вложиться в рекламу, мой удел – поездка на промозглый север Англии.

К счастью, после долгой-долгой переписки по электронной почте мне ответили согласием блогеры Фиона Ханнинг, пишущая о стиле жизни, Аврил Бейнс-Хэмилтон из программы «Это утро» и Дэвид Раддингс из «Ивнинг Стандарт». Я смогла вздохнуть с облегчением. Удивил меня Конрад Флетчер. Этот циничный старый черт, по совместительству сотрудник страшно престижного иллюстрированного журнала, посвященного интерьеру, неожиданно заявил:

– Почему бы и нет? Тысячу лет не был в Копенгагене и думаю, что поездку удастся втиснуть в бюджет. Боже, ты не поверишь, какими они стали прижимистыми!

– Вы же, наверное, к каждому ланчу заказываете вино по триста фунтов за бутылку – и все за их счет, – подколола я его. Он не раз упоминал, что устроил свой штаб в баснословно дорогом ресторане в двух шагах от редакции журнала, где работал. Несколько раз и я удостоилась приглашения пообедать с ним там. Конрад не был всеобщим любимцем, но мне его компания нравилась. А его энциклопедические познания в области интерьеров... Просто бездонный кладезь – как и его запас сплетен и слухов о коллегах.

⁶ Город в графстве Саут-Йоркшир (Англия), административный центр района *Донкастер*.

– Ты так хорошо меня знаешь, Кейт, дорогуша.

Софи из «Сити Зен» я оставила на закуску, зная наверняка, что уж с ней-то всегда можно договориться. Она была университетской подружкой Конни, мы встречались пару раз, и мне она очень нравилась. Бросив взгляд на часы, я набрала номер. Оставалось совсем мало времени, а потом можно смело бежать домой и готовиться к банкету по случаю награждения, на который мне предстояло пойти вечером. В теперешней ситуации, когда я шла туда одна, подготовиться нужно было как следует, чтобы Джош понял, какое сокровище потерял.

– Софи, привет. Это Кейт Синклер. Я отправляюсь в пресс-тур в Копенгаген и ищу журналиста, который составит мне компанию.

– Ух ты, возьми меня! Возьми меня!

– Отлично, значит, договорились.

– Серьезно? Ты меня приглашаешь?

– Ага. Неделя в прекрасном Копенгагене.

Софи издала странный звук – видимо, подавила счастливый вопль, чтобы не мешать коллегам в офисе, – а потом заговорила:

– Ну, я должна подумать... примерно наносекунду. – Очередной странный звук. – Уйя! Да. Да. Я в игре! Это чудо. Это просто фантастика!

Она болтала без умолку.

– Я ведь даже не прислала тебе план. А вдруг это тур по угольным шахтам, сталеплавильным заводам и фабрикам пластиковых изделий?

– Какая разница? Лишь бы кормили. Больше мне ничего не надо. Ой, как здорово!

– Я отправлю подробности тебе на почту.

– Жду не дождусь. Я никогда не была в Скандинавии. О, я куплю себе стеганое пальто, такое дутое, на любую погоду. С белым пушистым мехом на капюшоне. И теплые перчатки.

– Хм, Софи, мы едем в конце апреля, там будет немного теплее. Так что наряд Барби для полярной экспедиции придется запихнуть в шкаф. Мне нужно ехать, чтобы подобрать платье из гардероба Конни.

– Как она поживает и куда это ты намылилась?

– У нее все хорошо. Вся погрязла в работе, возится с учениками. А я иду на банкет по случаю вручения национальных наград газетчикам за большие тиражи.

– Скука, наверное, страшная, но хоть выпьешь на халяву.

– Не только. Все будет происходить в «Гровенор-хаус», и ужин включен в программу.

– Ясно.

– Только потому, что наша компания в числе спонсоров. У нас там стол. К несчастью, мой бывший тоже там будет.

– Ох, невезуха.

– Да уж. Конни даже предложила мне прихватить с собой одного ее коллегу-учителя.

– Как мило с ее стороны.

– Но его зовут Криспин! – возмущенно воскликнула я.

– А что, это проблема?

– Не могу же я всерьез воспринимать человека по имени Криспин. Это же не имя, а кличка для пони.

Софи захихикала.

– Нельзя же судить о человеке только по имени.

– Ты права, но вот... сегодня я беседовала с неким Бенедиктом, и мне почему-то подумалось, что человек с именем Бенедикт, наверное, должен быть красавцем.

– Не Камбербэтч случайно?

– Нет, этот оказался совсем не таким обаятельным. К счастью, он наотрез отказался от участия в поездке, так что у меня даже нет шанса проверить свое предположение.

Глава 5

Подходя к отелю, где должен был состояться банкет, одетая во взятое напрокат платье, я вдруг почувствовала себя самозванкой. Один из самых престижных отелей Лондона! Бюджетной гостинице «Хемел», где в студенческие каникулы я подрабатывала горничной, до него было как до неба. Повсюду толпились мужчины в элегантных смокингах и дамы в вечерних туалетах.

Благодаря сделанному Конни макияжу глаза теперь казались дымчато-серыми (сама я никогда бы не решилась потратить столько теней, подводки и туши). Ну, а платье было просто сногшибательным.

Только моя подруга могла заметить платье для подружки невесты от самой Веры Вонг⁷ в благотворительной лавчонке, где искала костюмы для школьников. Простой покрой без каких-либо украшений – тот случай, когда на вешалке платье кажется самой обычной тряпкой, – без рукавов, вырез лодочкой. Но стоило его надеть, и тяжелая атласная ткань садилась по фигуре идеально: юбка струилась и волной покорно ложилась к ногам. Все очень скромно, за исключением одной убийственной детали: вырез на спине ниже пояса. Такое платье требует очень тщательного выбора нижнего белья.

С улыбкой я погладила пальцами нежный шелк и вышла из такси, вздрогнув при мысли о том, что год назад эту ткань чуть было не раскроили на плащи для трех волхвов, готовя рождественский спектакль в начальной школе «Эштон Линн».

Сжимая в руках обшитый серебряной нитью клатч (тоже от Конни), я краем глаза заметила, как ко мне повернулась пара мужских голов – признаюсь, было приятно.

К счастью, все наши уже собрались за большим столом возле бара. На столе стояло шампанское в ведерке, а вокруг бокалы, на одном из которых я обнаружила свое имя. Первым, кого я увидела, был Джош. Такой элегантный, в смокинге, он на секунду даже напомнил того Джоша, каким он мне когда-то казался.

Он улыбнулся, и в его глазах я заметила искру интереса.

– Вау, ты выглядишь...

– Спасибо, – резко перебила я. – Ты не видел Меган? Она уже здесь?

– Да. – Улыбка сразу исчезла. – Ты никогда меня не простишь, да?

– Нечего прощать, – парировала я и хотела отойти.

Джош поймал меня за руку.

– Кейт, ей-богу, зря ты так заморачиваешься. Мы вполне могли бы остаться друзьями.

Я убрала его руку.

– Мне так не кажется. Работа для меня сейчас – самое важное в жизни. И я не позволю тебе или кому-то другому встать на моем пути. – Тут я заметила Меган и рванула к ней сквозь толпу.

– Кейт, привет. Шампанское будешь? А это Эндрю, знакомься, – она указала на стоявшего рядом лысого низкорослого мужчину.

Не успела я поздороваться, как она сунула мне в руку бокал.

– Он актуален.

Я поняла, что это значит: *будь с ним мила*, это важный спонсор с большим кошельком.

– Он работает в «Исследователе»! – восторженно сообщила Меган. – Простите, совсем забыла, какая именно у вас должность?

Эндрю сунул мне маленькую потную ладонь.

⁷ Вера Вонг – известный американский модельер.

– Очень приятно, – провозгласил он торжественно. – Эндрю Докинс. Главный менеджер по рекламе. «Воскресный исследователь». А вы?

– Кейт. Работаю в агентстве с Меган.

– Очередной пиар-агент? – при этих словах он поморщился («ну и засада, эта курица абсолютно бесполезна»). – И давно вы там работаете?

– Пять лет.

– Тогда вам пора двигаться дальше, – последовал совет. Эндрю взмахнул бокалом. – Вечное движение – вот мой девиз. Не задерживайся нигде больше чем на два года, – и он громко рассмеялся. – И тогда вас где-нибудь обязательно заметят. Так я стал главным менеджером. Все дело в неформальном общении, сами понимаете. Связи, знакомства с нужными людьми. Кстати, я могу и вас познакомить кое с кем. Руководители агентств, важные боссы. – Он панибратски подхватил меня под руку и то ли случайно, то ли специально задел мою грудь.

Я сделала глоток шампанского и отошла в сторону, чтобы не терзаться сомнениями.

– Значит, вы работаете в «Исследователе». А Бенедикта Джонсона знаете?

Он возмущенно поднял брови, наморщив блестящий от пота лоб.

– Речь шла о приличных людях. Я мог бы поспособствовать вашему повышению, – и он указал бокалом в сторону нескольких гостей. – Исполнительный директор компании «Магна груп», а там – начальник финансовой службы «Ворквелл Индастриз». Выбирайте, с кем хотите познакомиться.

– Спасибо, у меня и так все в порядке.

– А зачем же тогда хотите познакомиться с Джонсоном?

– Не хочу я с ним знакомиться. Просто поинтересовалась.

– Понравился, да?

– Вы что?! – возмутилась я. – Да я его ни разу не видела. – Припомнив наш разговор, я нахмурилась. – Правда, звонила ему сегодня. Он враждебно относится к пиарщикам.

– Да, потому что возмнил себя серьезным журналистом. По крайней мере, мнил до недавнего времени. – Улыбочка Эндрю стала недоброй. – Из прежней-то редакции его попросили. А для рубрики стиля жизни он слишком хорош – как он считает.

Его глаза злобно блеснули.

– Я... эээ... – Мне уже было почти жаль Бенедикта Джонсона.

Эндрю заулыбался.

– Так рушатся колоссы. Он один из таких. Так называемый серьезный журналист. Каждый считает себя божьим даром и уверен, что вот-вот раскроет очередной Уотергейт. Одного они не понимают... – он потер пальцы, – не будет дохода от рекламы – не будет работы. А тебе он зачем?

– Я приглашала его принять участие в пресс-туре. Его это не заинтересовало.

– А я бы поехал с вами в пресс-тур.

– Очень мило, но я не уверена, что клиента это устроит.

– А кто клиент?

– В Лондоне открывается новый датский универмаг. Мы готовим поездку в Копенгаген для небольшой пресс-группы.

– Прекрасная работа, если справитесь. А он, значит, отказался?

Я развела руками.

– Уверена, что у него были на то свои причины.

Я, конечно, не пылала симпатией к Бенедикту Джонсону, но Эндрю Докинс нравился мне и того меньше.

Эндрю погрузился в раздумья, сверля пространство маленькими серыми глазками.

– Этим можно заинтересовать многих потенциальных рекламодателей. Посмотрим, что я могу сделать.

Поколебавшись меньше наносекунды, я сдержалась от вежливого *это было бы прекрасно* и не произнесла: *не беспокойтесь, я уже пригласила другого кандидата*. На кону моя карьера.

Ведущий, пафосный тип при полном параде, официально объявил банкет открытым, но мне было не до того. Оказалось, что мое место рядом с сальным Эндрю, который продолжал шарить руками где не надо. Мне ничего не оставалось, как сидеть, пялясь на пузырьки в бокале.

Награждение, да простят мне мою неблагодарность, ничем не отличалось от сотен других. Та же торжественная музыка. Тот же гладкий текст от известного эстрадного комика и множество невозможно скучных и благообразных мужчин, которые, кажется, собирают коллекцию трофеев с гравированными надписями на стекле.

Вино лилось рекой, еда была очень вкусной. А какая курица!..

У стены выстроилась армия вышколенного персонала. Начали подавать первое, и я обратила внимание, что нога Эндрю слишком часто прикасается к моей.

Когда мы доели горячее, мое терпение лопнуло. Он коснулся моего бедра, и я несильно ткнула в его руку вилкой.

– Ох, простите. Мне показалось, что по ноге ползет паук, а я их до смерти боюсь, настоящая фобия.

Эндрю натянуто улыбнулся и прижал руку к груди.

Между нами втиснулась официантка с аппетитным розовым десертом.

– Мне не нужно, спасибо, – помотала я головой. – Отлучусь в туалет, – сообщила я Эндрю, и тот тут же вскочил – идеальный джентльмен, если забыть о его ручонках, задержавшихся на моей талии.

Одарив его ледяной улыбкой, я сбежала, прихватив с собой еще бокал шампанского. Я пробиралась между столами, а по коже бежали мурашки при мысли, что он наверняка провожает меня сальным взглядом. Жаль, что напоследок ему достался такой выразительный ракурс – мой глубокий вырез. Спереди платье выглядело сдержанно, но со спины...

По лестнице я поднялась на балкон, где было тише, и остановилась взглянуть на впечатляющую панораму Большого зала: ровные ряды столов, покрытых белоснежными скатертями и украшенными цветочными композициями. Перегнуться через перила я не решилась, чтобы не закружилась голова. Потом подошла чуть поближе, с огорчением заметив, что шампанского почти не осталось. Я сделала маленький глоточек, предварительно приподняв бокал и отсалютовала огромной люстре, сверкающей, как бриллианты.

Мама могла бы гордиться мной. Тем, что я нахожусь здесь. Я так и слышала ее голос: *Стань человеком, детка. Трудись как следует. Добейся успеха*. Мама всем нам этого желала – чтобы мы добились большего, чем старшее поколение. Сама-то она надрывалась на трех работах, по утрам в детском садике, днем буфетчицей в школе, а вечером там же уборщицей. Все это не слишком щедро оплачивалось, так что с деньгами было туго.

Одной рукой держась для верности за перила и прислушиваясь к гулу голосов внизу, я затуманившимися глазами взглянула на толпу хорошо одетых людей и, сглотнув ком в горле, печально улыбнулась. Как же это далеко от того мира, где я росла. Мама точно решила бы, что это – мой успех.

– Я бы за них и гроша ломаного не дал, но на самом деле они стоят намного дороже, – произнес низкий, чувственный голос, явно заигрывающий со мной.

На секунду я замерла, чтобы продлить момент. Сразу оглядываться не хотелось, чтобы не разочароваться или не разочаровать. Вместо того чтобы обернуться, я ответила:

– Пожалуй, так и есть.

Последовала пауза. Я продолжила смотреть в зал, на море людей и на люстры в форме тюльпанов.

– А вы знаете, что каждая такая люстра сделана из пяти тысяч хрустальных бусин?

Мне вполне пришелся по душе этот дебютный заход, а также его легкий игривый тон – будто он принял вызов и старался впечатлить меня, чтобы заставить повернуться.

– Нет. – Я улыбнулась и выпила последние капли шампанского, подняв голову так, чтобы волосы свободно ниспадали по спине. Я чувствовала себя королевой, и мне хотелось продлить игру.

– Они весят по тонне каждая и были изготовлены в шестидесятые. – Незнакомец подошел ближе, и это позволило ему говорить тише, чтобы только я могла его слышать.

– Впечатляет, – промурлыкала я (мне казалось, что это уместно). В реальной жизни я совсем не такая, но сегодня ощущала себя прямо-таки Золушкой – сказочные декорации, полная анонимность и внушенная дорогим платьем уверенность в себе.

– А знаете... ведь раньше это был каток. Королева Елизавета училась здесь кататься на коньках. – По коже пробежали мурашки в предвкушении сама не знаю чего, и, почти не сознавая, что делаю, я немного прогнула спину.

– Да что вы. – Я улыбнулась еще шире.

– Трехкратная олимпийская чемпионка Соня Хени тоже каталась здесь в тридцатые годы. – Он почти склонился над моим ухом.

– Да ну? – Я беззвучно рассмеялась.

– Тут проходили международные матчи по хоккею.

– Кто бы мог подумать?

– Там, под паркетом, до сих пор сохранилось оборудование.

– Буду знать.

– И наконец, здесь однажды играли «Битлы». – Я перегнулась через перила, представив себе это. – И это был последний факт на сегодня.

Как он произнес эти слова! Так фокусник эффектно взмахивает руками, завершая представление.

Я колебалась. Мне не хотелось заканчивать игру. Вместо того чтобы оглянуться и оказаться с ним лицом к лицу, я лишь слегка повернулась, почти касаясь подбородком плеча. Теперь ему был открыт мой профиль, но я по-прежнему его не видела.

– Необыкновенно интересные факты. Вы экскурсовод? Историк?

– Нет, просто поболтал с барменом. Могу ли я предложить вам еще шампанского? Этот бокал, кажется, пуст.

– Еще и наблюдательны. Я бы не отказалась, спасибо.

– А вы будете здесь, когда я вернусь? Или я найду только туфельку?

Я посмотрела на золотые часики на тонком браслете – недорогие, еще мамини – и заметила:

– До полуночи далеко. Я буду здесь, на этом самом месте.

Незнакомец аккуратно забрал у меня бокал, не дотронувшись до меня. От этого жеста все мои внутренности мелко завибрировали.

Я мечтательно улыбнулась. Понятия не имела, как он выглядит, зато от него чудесно пахло – сочетание тонкого дорогого лосьона после бритья и хорошего стирального порошка.

Забыв о своих намерениях, я не удержалась и бросила-таки быстрый взгляд через плечо, выждав целых несколько секунд. Он уверенно проник в небольшую толпу у бара, как человек, который знает, чего хочет и куда идет. Кажется, меня окончательно покорили именно его уверенность и целеустремленность – не говоря уж о росте, телосложении, густых волосах и превосходном костюме.

– Вы здесь?

Я кивнула, и в груди внезапно что-то ёкнуло, когда я поняла, что, пожалуй, готова обернуться.

Голой спины коснулся холодный бокал – меня привело в трепет это прикосновение, в нем таился какой-то вызов. Повернуться к нему? Показать лицо? Или оставить все как есть?

Бокал медленно спускался по спине все ниже и ниже.

Ни один из нас не произнес ни слова.

Бокал сменила ладонь, я прогнулась, щеки горели. У меня под кожей потрескивали электрические разряды.

Когда незнакомец убрал бокал, кожа все еще чувствовала его холод, а потом жар.

Я сделала вдох, задержала дыхание на несколько секунд и медленно обернулась, чтобы забрать у него свой бокал. Наши пальцы слегка соприкоснулись, я подняла голову, застенчиво улыбаясь.

Он ответил тем же, и чуть заметная ямочка появилась на щеке. Его щетина отливала темным янтарем, прекрасно сочетаясь с рыжевато-каштановыми волосами. Я понимала, что в эту сказку обязана вмешаться реальность. Ведь так не бывает. Он не должен был оказаться таким чудесным, красивым, с фантастическими скулами и губами, от которых я не могла оторвать глаз! Я была готова к тому, что вот-вот приду в чувства и незнакомец разочарованно взглянет на меня и поспешит откланяться. Кто же мог подумать, что он окажется плечистым, как пловец, и таким высоким – на несколько дюймов выше меня, а ведь я была на каблучках. Но в нокаут меня отправила не его сногшибательная внешность, а уверенность и острый ум, отраженные в его серо-голубых глазах.

– Привет. – В тихом голосе слышалось нечто большее, чем простое приветствие.

– Привет, – выдохнула я беззвучно. Это было так не похоже на меня – я захлебывалась от восторга, стоя рядом с сексуальным незнакомцем. И ничего не могла с собой поделать. Так трудно встретить кого-то в Лондоне, а тем более – симпатичного, нет, чертовски прекрасного мужчину.

– Я Бен.

– Кей... ти. – Мне не захотелось представляться именем, к которому привыкли мои коллеги – слишком резко оно звучало. Кейти – так меня называли дома. Когда была жива мама. И я хотела чувствовать себя той Кейти, быть ближе к той мягкой и женственной стороне моей натуры, которой не приходилось все время воевать, чтобы добиться успеха.

– За вас! – Он поднял бокал. – За случайные встречи.

– За вас!

Мы улыбнулись друг другу и сделали по глотку. Он подошел ближе и перегнулся через поручень.

– Интересно, многие ли знают, что здесь был коток, – поинтересовалась я. – Он, наверное, был огромный.

Трудно было представить звук скользящих по льду коньков в этом интерьере ар-деко.

– Где-то здесь в отеле висит фотография.

– Надо бы как-нибудь ее разыскать. – Феерический парень придавал мне бесстрашия.

– Вы назначаете мне свидание? – Это прозвучало чуть насмешливо.

Я высокомерно подняла брови:

– Нет.

– Жалко, а я уже был готов согласиться.

– Откуда вы знаете, что у меня нет бойфренда?

Он внимательно посмотрел на меня.

– Потому что ни один мужчина в здравом уме не оставил бы вас одну в этом платье.

– А что не так с платьем? – И я вдруг осознала, что он находит его вызывающим и слишком откровенным.

Ответная улыбка успокоила меня, в ней были беззаботность и что-то, отчего мое сердце забилося чаще.

– С платьем никаких проблем. Оно совершенно. Пошито со вкусом, выглядит стильно и утонченно, – он изобразил огорчение, – а сегодня вечером всё это в большом дефиците... особенно у мужчин.

– С этим я согласна, – откликнулась я, вспомнив потные ручонки Эндрю.

– Желаете, чтобы я оберегал вашу честь и вызвал невежу на дуэль?

– Нет, я сама справлюсь с наглецами с помощью вилки.

– Вы никого еще не прикончили? – Его глаза в ужасе округлились.

Я небрежно пожала плечами.

– Не до крови, но это на первый раз.

– Ого! С вами лучше не спорить.

– Мы же решили, что свидания не будет, так что случай вряд ли представится.

– Теперь я просто обязан спросить: какого именно свидания у нас не будет?

Я облокотилась на балюстраду.

– Мы не будем вместе бродить по отелю в поисках старых фотографий, а после – не отправимся гулять на Серпентин⁸.

Бен повернулся боком, показав мне торчащую из кармана бутылку.

– И не прихватим с собой бутылочку шампанского.

Между нами в воздухе повисло воображаемое приглашение, которое никто не решался принять.

– Может, покажете мне эту фотографию?

Не успел он взять меня за руку, как раздался знакомый звонок телефона, вернувший нас обоих на землю. Как ковбои хватаются за пушки, так и мы с ним потянулись – он к карману, я – к клатчу.

Хмурясь, он посмотрел на экран и, отвернувшись с извинениями, ответил на звонок.

Господи, что же это я творю? Тоже мне, светская львица в шикарном наряде! Я не из тех, кто флиртует с незнакомцами, а тем более с прекрасными принцами. Это ребята из высшей лиги. Да и вообще, в моей жизни сейчас нет времени на романтику: у меня куча дел. Я нутром чуяла: этот таинственный незнакомец представляет опасность. Джош причинил мне сильную боль, а ведь к нему я не испытывала даже десятой доли тех чувств, которые вызвал Бен.

Я прошептала, что отойду в дамскую комнату, и слиняла, в надежде спрятаться среди двух тысяч человек.

⁸ Серпентин – озеро в Гайд-парке.

Глава 6

– Кейт Синклер, слушаю вас.

Не отрывая глаз от монитора, я рассеянно взяла трубку. Я пыталась собраться с мыслями и написать пресс-релиз, вместо того чтобы без конца проигрывать в голове вчерашнюю сцену из Золушки. Как досадно, что я убежала, не оставив ни хрустальной туфельки, ни номера телефона. Теперь никакой надежды на продолжение не было, и я не могла решить, хорошо это или плохо.

– Довольны собой, ликуете? – прорычал голос в трубке.

– Что, простите? – Я выпрямилась и повернулась на стуле спиной к компьютеру. Должно быть, человек ошибся номером.

– Ну вы же Кейт Синклер, разве нет?

О'кей, номером не ошиблись.

– Да, – медленно произнесла я, пытаюсь вспомнить злющий голос. – Мы с вами знакомы?

– К сожалению, да. Хотя и не лично. Бенедикт Джонсон, собачка на побегушках, – злобно выпалил он.

А, тот самый журналист-злюка... Но зачем он мне позвонил? Вспомнив, как он хамил вчера, я поняла, что лучше с ним не связываться.

– Все меняется. Помнится, в прошлый раз вы были бешеной лисицей, – заметила я, взяв ручку и рассеянно изобразив пару каракуль в разлинованном блокноте.

– Тогда я не плясал под вашу дудку.

– Ничего не понимаю. Дадите подсказку?

– О, мы изображаем святое неведение?

– Трудно изобразить что-то другое, потому что я вообще не понимаю причины вашего звонка.

– Вы разве не слышали радостную новость? – в этих словах звучали нотки сарказма.

– В «Пробуждении силы» Хан Соло⁹ остался жив? Дуглас Адамс¹⁰ ошибся и ответ на главный вопрос жизни – сорок три? «Тейк Зет»¹¹ снова выступают впятером?

– Я закипаю от негодования, а вы еще смеете шутить по этому поводу!

– Поделитесь, это полезно. Психологи рекомендуют.

– Копенгаген. Пресс-тур, – бросал он по одному слову, четко проговаривая каждое.

– Журналист. Ответил отказом.

– Журналиста заставили согласиться.

– Я никому не выкручивала руки, так что не понимаю, откуда у вас такие данные. Не собираюсь никого принуждать.

– Не прямо. Не люблю пронырливых, действующих исподтишка. Впредь будьте внимательнее с теми, с кем заключаете сделки.

– Я уже набрала пятерых совершенно адекватных участников, которые с радостью согласились поехать в Копенгаген. Не уверена, что хочу видеть вас в числе согласившихся.

– Очень жаль. Потому что теперь благодаря интригам вам придется терпеть мое присутствие.

– Вы всегда говорите загадками? – Разговор становился бессмысленным, и хотя в какой-то мере он меня даже забавлял, но у меня были и другие дела. – Послушайте. Все это пре-

⁹ Хан Соло – герой эпопеи «Звездные войны», погибает в фильме «Эпизод VII: Пробуждение силы».

¹⁰ Дуглас Адамс (1952–2001) – английский писатель, автор культовой серии книг «Автостопом по Галактике».

¹¹ Take That – британская поп-рок-группа.

красно, но я по-прежнему не понимаю, о чем вы мне толкуете. Я пригласила в поездку другого журналиста.

Все они отказались, но ему это знать не обязательно.

– Менеджер по рекламе сказал, что его уговорили, пообещали, что это будет потрясающий материал, который привлечет множество рекламодателей. Он побежал к своему начальнику, тот – к моему боссу, и вдруг, ни с того ни с сего... они решили, что это отличная идея отправить меня в Копенгаген.

– По-прежнему не понимаю, о чем вы говорите. Я ничего такого не предлагала. Вы все-таки ошибаетесь, – уверенно заявила я.

– Не ошибаюсь, если верить Эндрю Докинсу.

– Эндр... – я проглотила последние буквы.

– Я так понимаю, память возвращается?

– Я... эээ, я ничего такого ему не говорила. Я не... – Я смолкла, безуспешно пытаюсь вспомнить, что именно говорила вчера тому типу.

– Нет, конечно, нет. Только откуда еще он мог узнать, что меня звали в поездку?

– Слушайте, мне жаль...

– Слишком поздно вилять хвостом. Лучше пришлите мне расписание. Увидимся в Копенгагене, – и он бросил трубку, прежде чем я успела сказать, что ни о чем таком не просила Эндрю.

Глава 7

Сонная, с красными глазами, я отметила, что даже в пять утра в Хитроу полно народу. По терминалу сновали уборщики с громоздкими тележками, из которых торчали метлы. Полусонные продавцы сражались с металлическими решетками, не желавшими подниматься, а пассажиры со стандартными черными чемоданами сновали туда-сюда.

Стоя у стойки регистрации, я в пятый раз проверила, не забыла ли чего. Паспорт. Контактные телефоны. Ноутбук. Чемодан. Руки у меня дрожали – неудивительно. Вчерашний разговор с Меган, когда она пыталась поднять мне дух, перепугал меня, а ее последние наставления выбили у меня почву из-под ног.

– Ты уверена, что справишься с этими журналистами? – спросила она. – Пресс-туры – сложная работа.

– Понимаю. – Я задумалась: что же тут такого трудного? Что может пойти не так? У нас есть расписание. И сопровождающий.

– Люди считают, что их ждет милая увеселительная прогулка, но журналисты – народ неорганизованный, их вечно заносит не туда. Следи, чтобы они у тебя ходили по струнке. Никаких попыток откосить от экскурсий. Потеряешь одного – потеряешь их всех.

– Ладно. – Я снова кивнула, стараясь выглядеть серьезной и собранной.

– От этого многое зависит.

Уж это-то я понимала не хуже ее.

– И не позволяй им сесть тебе на голову. Это я про расходы. На поездку составлена жесткая смета. – Она помолчала и взглянула на меня испытующе. – Я все думаю, не подстраховать ли тебя.

– Подстраховать? – Что же меня ждет? Безобидный пресс-тур или операция «доставь наркотики из пункта А в пункт Б»?

– Хм, может, отправим с тобой Джоша Дилэни?

Я как можно строже повторила, что абсолютно уверена в себе и убеждена, что все пройдет гладко. Меган не догадывалась, что это мой первый большой выезд, не имеющий ничего общего с моими предыдущими путешествиями: поездка в Айя-Напу с Конни и школьными друзьями и выходные в Барселоне – солнце, море, шопинг, сангрия.

Пока все шло неплохо, разве что в аэропорту нас должен был встретить человек по имени Мэдс¹².

Но то было вчера, а сегодня с утра на меня обрушилась суровая реальность – я отвечаю за шестерых взрослых людей, некоторые из которых старше меня, к тому же искушенные и опытные путешественники. Эта мысль, как дементор из «Гарри Поттера», высосала из меня всю уверенность. А вдруг кто-то из них потеряет паспорт? Заболеет? А если им не понравится отель? Чем сильнее я волновалась, тем больше поводов для беспокойства находила.

В другом конце аэропорта я заметила девушку в необычном пальто, длинном и таком пушистом, что девушка в нем походила на орангутана. Она перевесила огромную сумку с одного плеча на другое, остановилась и почесала ногу. Забавное и неуклюжее движение – она напомнила мне аиста, который готовится взлететь.

Интересно, кто этот человек-зоопарк – уж не Фиона ли? Я пригляделась. На ксерокопиях паспортов, присланных мне журналистами, лица походили на шайку бандитов и каторжников. Я попыталась привлечь внимание девицы, но та уткнулась в телефон, и я решила, что обозналась и это не моя блогерша. Я снова взглянула на фотографии, а когда подняла глаза, обнаружила, что девушка подошла ближе.

¹² Mad (англ.) – безумный или взбешенный. У датчан Mads (произносится Мэс) – популярное мужское имя.

– Кейт, моя дорогая. Во имя чего ты вызвала нас в такое время?

Я обернулась и увидела шестидесятилетнего Конрада Флетчера из журнала «Интерьеры мира». Он знал все о дизайне интерьеров и о том, кто есть кто в этой отрасли.

– Доброе утро, Конрад, как ты себя чувствуешь?

– Разбитым. Скажи спасибо, что ты мне нравишься, иначе вырубил бы будильник и перевернулся на другой бок. Да еще таксист попался полный дебил. О, вот, кстати, квитанция на оплату. Можешь оплатить налом, так нам обоим будет удобнее, меньше возни с бумагами. – Конрад ткнул мне в руку бумажный квиток. – И кофейку бы не помешало тяпнуть, пить хочу – умираю.

– Мы пойдем пить кофе, как только все соберется.

Теперь девушка маячила перед стойкой регистрации. Она то и дело привставала на цыпочки, как маленькая девочка, которая пытается обратить на себя внимание учителя, но при этом не казаться назойливой. Я пришла к выводу, что это и есть Фиона Ханнинг, блогер, пишущий о стиле жизни.

– Привет, ты Фиона?

Она покраснела и быстро кивнула, испуганно посмотрев на меня, как олень в свете фар.

– Кейт. Очень приятно, – я протянула руку. Из длинного пушистого рукава высунулась ладонь, схватила мою, пожала и тут же спряталась обратно.

– Это Конрад Флетчер, он пишет об интерьерах. Конрад, знакомься, Фиона Ханнинг, она ведет блог «Полчасика с Ханнинг».

На лице Фионы была легкая паника, но, к счастью, Конрад не знал, что такое застенчивость.

– Обожаю твой блог, милая. Как здорово ты это придумала. – По его лицу невозможно понять, правду ли он говорит. Он любил изображать, что знает всех и каждого. Хотя я ни разу не поймала его за руку, но у меня нередко закрадывались сомнения насчет этого. К моему удивлению, он заговорил о недавней публикации в блоге, о всевозможных драпировках и искусстве обойщика, а потом подсказал, как можно развить и продолжить тему, да еще и предложил поделиться контактами.

Фиона в основном молчала, но вид у нее был уже не такой испуганный. Видимо, этот стиль общения был для нее привычнее: с удовольствием послушаю, только не надо втягивать меня в разговор.

– Конрад, ну, раз ты здесь, значит, я по адресу, – это появилась Аврил Бейнс-Хэмилтон, ведущая «Этого утра», в огромной меховой шапке, темных очках и шубе до пола. Она поставила рядом с нами два чемодана «Гуччи». Один поменьше (я узнала модель под названием «бенгальский тигр», разрекламированный в журналах, – стояла эта кроха тысячу восьмьсот фунтов), а второй значительно больше.

– Привет, Аврил, мы с вами раньше встречались. Я Кейт.

Аврил, если и узнала меня, виду не подала и солнечные очки не сняла. Я всегда считала, что это не очень вежливо.

– Встречались? – Я не поняла выражения ее лица, а тон меня задел. Нам предстояло провести вместе пять дней, и, чтобы показать ей лучшие места в Копенгагене, придется прилично потратиться. Могла бы вести себя доброжелательнее.

Я взяла себя в руки и нацепила на лицо гостеприимную улыбку:

– Да, и не один раз, но я понимаю, вам со многими приходится общаться. Всех не запомнить. А теперь – да, вопрос глупый, но все же, все ли взяли с собой паспорта?

Фиона похлопала по карману и быстро достала паспорт.

Конрад закатил глаза и сунул руку во внутренний карман слегка потрепанного кашемирового пальто. И вдруг изменился в лице.

– Даже не думай, Конрад. Я тебя слишком хорошо знаю. Не смешно.

– Ой, ты такая скучная, – усмехнулся он, а в глазах запрыгали бесенята.

– В этой поездке никаких приколов, – заявила я. Сейчас я вдруг вспомнила, что, если Конрад будет не в настроении, то станет обузой. Все знали про его скандальный характер и легкое отношение к деньгам. Придется следить за ним, ведь если он решит пойти вразнос и потянет за собой остальных, мне конец.

– Доброе утро, – прозвучал у меня над ухом тихий голос. Я подскочила – Дэвид Раддингс, фрилансер из «Ивнинг Стандарт». – Он стоял с улыбкой на лице.

– Привет, Дэвид, как ты?

– В предвкушении. – Его улыбка стала шире. Какая жалость, что он гей – идеальный был бы вариант для Софи.

Беззвучно вздохнув, я постаралась успокоиться. На Софи и Дэвида я могу рассчитывать, они на моей стороне и будут хорошо влиять на остальных. Конечно, есть одна темная лошадка, этот Бенедикт Джонсон, и уж он наверняка поддержит Конрада, если тот решит пуститься во все тяжкие. Кстати, где его черти носят? Я посмотрела на часы.

– Доброе утро, – прозвенел голос Софи, а сама она просто сияла. Я познакомилась с ней через Конни, и, хотя мы не так уж часто встречались, было приятно видеть знакомое лицо.

Я представила ее остальным членам группы и отошла, чтобы не мешать их разговору. До полета была еще уйма времени, и все наверняка мечтают о кофе. Я бы точно сейчас все отдала за чашечку латте.

– Все нормально, Кейт? – прервал мои размышления голос Софи.

– Да, отлично. Нет еще одного. – Я посмотрела по сторонам, надеясь увидеть Бенедикта Джонсона. Не мог же он меня прокатить и не явиться. Как это некрасиво! Но я бы не удивилась, реши он нарочно опоздать на самолет.

– Может, мы уже пойдем и выпьем кофе? – пробормотала Аврил.

– Еще пять минут. Я уверена, он скоро подойдет.

– Я хочу в дьюти-фри. Значит, кофе придется пить после досмотра.

Что делать? Отправить их на паспортный контроль? А самой? Пойти с ними или остаться здесь и ждать Бенедикта? Очередь на регистрацию заметно увеличилась.

– Кейт, слушай, мне обязательно нужно купить кое-что в дьюти-фри. Я больше не могу ждать. Реально, это не дело.

– А мне необходим кофе, дорогая. Да и завтрак тоже не помешает.

Ну вот... Что я вам говорила? Аврил и Конрад отлично спелись. Оба выжидательно смотрели на меня, а Софи сочувственно улыбалась.

Я боялась выпустить их всех из поля зрения. Положение хуже, чем у учителя, отправившегося на каникулы со своим классом. Конни в свое время поведала мне множество жутких историй. Если сейчас я дам им разбрестись, потом ни за что не соберу.

Аврил вздохнула и капризно надулась. Даже шикарная шапка и очки не помешали мне понять, что она крайне недовольна.

– Вот что мы сделаем, – заявила я. – Зарегистрируемся, сдадим багаж и встанем возле паспортного контроля. А к тому времени, как наша очередь подойдет, Бенедикт, надеюсь, подьедет.

Все схватили чемоданы, и обходительный молодой человек открыл новую стойку регистрации и пригласил нас.

Один за другим они регистрировали багаж, а я все смотрела по сторонам. Где, ну где его столько носит?

Наконец багаж был успешно сдан, и все повернулись ко мне, ожидая, какое решение я приму дальше. Я судорожно вздохнула, понимая, что от меня ждут команды. Отправить их на паспортный контроль без меня? Я чувствовала себя безответственной курицей, отпускающей от себя цыплят.

– Идите на паспортный контроль. Я вас буду ждать... – Но где? У выхода на посадку? Мне показалось, что это слишком уж поздно.

– Там есть кафе «Неро», – подсказала Софи.

– Отлично.

– Слава богу, – заключила Аврил. – И лучше отдай нам посадочные талоны. Они понадобятся в дьюти-фри, а ты можешь задержаться.

– Уверена, Бенедикт вот-вот появится. – О, как бы я хотела в это верить!

Я достала посадочные и отдала их группе.

Аврил вцепилась в ручку своего маленького чемоданчика.

– Если я сейчас же не добегу до «Кларанса», вся эта поездка будет пустой тратой времени.

Конрад молча смотрел на меня. Я вдруг сообразила: он ждет, что я оплачу ему завтрак. Что я, разумеется, и должна сделать. Потом осмотрела свою группу, поняв, чего все они ждут, и Софи, встретившись со мной глазами, чуть заметное кивнула. Идеальный союзник. Я достала кошелек, набитый фунтами и датскими кронами.

– Софи, ты не могла бы сделать мне одолжение? – Я сунула ей в руки пару банкнот. – Можешь заплатить за кофе и принести общий чек?

– Без проблем, – подмигнула она. – Отряд, вперед!

Она повернулась и зашагала вперед, в ногу с Фионой и Дэвидом, а Аврил и Конрад поволоклись за ними. Глядя, как они удаляются, я испытала странное чувство предвидения: мне представилось, что группа так и останется разбитой на парочки в течение всей поездки.

Снова и снова я смотрела на время. Хорошо, хоть мой чемодан уехал на погрузку, так что без меня точно не улетят. До окончания регистрации оставалось пятнадцать минут. Я всё не могла решиться позвонить Бенедикту.

Потоптавшись возле стойки регистрации, я набрала номер Бенедикта: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия Сети». Сердце упало в пятки. Что это значит? Он едет в метро, он несется сюда? Или спит, а телефон забыл включить после вчерашнего вечера? Я посмотрела по сторонам. Где же этот небритый уголовник, смотрящий на меня с ксерокопии паспорта?

Оставалось семь минут. В очереди последние три человека. Одну из стоек уже закрыли. Я перевела взгляд на мобильный. Никаких сообщений. Так. Мне необходим кофе и что-нибудь съедобное.

Сколько мне еще его ждать? Пока не закроют все стойки регистрации? А если он все же приедет, что тогда делать? Купить билет на другой рейс? У меня скрутило живот.

Да это же просто смешно. Я должна быть с группой, я несусь за них ответственность. А Бенедикт Джонсон опоздал на сорок пять минут.

Бросив последний взгляд на стойку регистрации, я заметила, как старший смены сочувственно смотрел на меня, и отвернулась, решив отправиться на паспортный контроль.

И вдруг... Кто-то бежал мне навстречу.

– Стойте! – умоляюще воскликнула я. – Кажется, это мой коллега!

Сотрудник недовольно поджал губы.

– Может, вы начнете регистрацию? – Я подсунала ему ксерокопию паспорта Бенедикта и сопроводительные бумаги.

К стойке подлетел он. В джинсах и кожаной куртке. Обогнув очередь, образовавшуюся уже на следующий рейс, он без сил навалился на стойку, протянув паспорт сотруднику.

– Бенедикт Джонсон, насколько я понимаю, – злобно произнесла я. А опоздавший пытался отдышаться. Тот факт, что его появление обрадовало меня до слез, я решила скрыть.

Фотография в паспорте к нему несправедлива. Мы ждали киллера или серийного убийцу, а этот задыхающийся парень на законченного отморозка совсем не был похож.

– Я... добежал сюда... от метро... за девяносто семь... секунд, – сообщил он, а сотрудник за стойкой пытался заглянуть ему в лицо.

Мне была видна только густая копна рыжих волос.

Он медленно выпрямился, и меня охватила паника – я готова была провалиться сквозь землю. Я натянула на лицо маску безразличия, а сердце бешено билось от радости.

– Золушка! – весело удивился он. – А вы что здесь делаете?

Он поставил чемодан на ленту и забрал посадочный талон, вложенный в паспорт.

– Бенедикт Джонсон. Бен.

Наши взгляды встретились, мы молча смотрели друг на друга, пока в его глазах не появился огонек.

– Вот черт! Вы – это она. Та баба-пиарщица.

Вот только этого мне не хватало.

– Вот черт, да – это я. – Он облегчил мне задачу, теперь я видела перед собой Бешеную лисицу, а не прекрасного принца. Ясное дело, в ту ночь я просто перебрала шампанского. – Вы опоздали. Теперь нам надо бежать.

Я повесила на плечо сумку с ноутбуком.

Выражение его лица изменилось.

– Строите из себя большого босса? Скажите спасибо, что я вообще здесь. Честно говоря, я с удовольствием сейчас оказался бы где-нибудь подальше отсюда.

– Снова твякаете, как лисица. – Теперь, когда я увидела цвет его волос, это сравнение нравилось мне еще больше.

– Я специально использую этот тон для коварных пиарщиц, которые еще и покомандовать любят.

Я стиснула зубы и вздохнула.

– Вылет через пятьдесят минут. Нам еще надо пройти досмотр и встретиться с другими членами команды, пришедшими вовремя.

Кое-кому следовало бы рассыпаться в извинениях. Вместо этого Бенедикт молча пожал плечами:

– Тогда что же мы стоим?

Мы шли, стараясь держать дистанцию, разделенные невидимой стеной враждебности. Я с трудом поспевала за ним, но не просила замедлить шаг, ведь он нарочно так несся на своих длинных ногах. Я чувствовала себя опустошенной. Хеппи-энда не будет. Как вообще могло случиться, что прекрасный принц оказался Бешеной лисицей?

Глава 8

Когда мы добрались до кафе «Неро», объявили посадку на рейс, и мы направились к нужному гейту. При нашем появлении все быстро встали с места и схватили сумки. Я на бегу представила Бенедикта. Называть его Беном у меня язык не повернулся.

– Всем привет, простите, что опоздал. Небольшое ЧП дома.

Удивительно, как это он решился извиниться перед ними.

– Где Аврил? – поинтересовалась я, заметив на столе одинокую чашку кофе. Господи, лучше бы я пасла стадо овец, чем этих журналистов...

Софи, хмурясь, посмотрела на часы.

– Наверное, еще бегаешь по дьюти-фри. Хочешь, пойду и поищу ее? Да, кстати, держи чек.

– Спасибо.

Я должна сама пойти и отыскать Аврил. Я же несу за всех ответственность, а значит, не могу постоянно ждать от Софи помощи.

– Лучше идите к гейту, а я схожу за Аврил.

Мне хотелось добавить: *и ради всего святого, не разбегайтесь и держитесь вместе!*

К счастью, Аврил быстро нашлась в очереди дьюти-фри. Я посмотрела на часы. До начала посадки еще десять минут. Но в корзине у Аврил было так много всякой всячины – у меня и за всю жизнь не было столько косметики. Оставалось надеяться на шустрого кассира.

– Просто хочу предупредить, что все пошли к гейту.

– Ой, правда. – Улыбка исчезла. – И никто, наверное, не купил мне кофе.

– Угу.

– Придется заскочить за ним.

– Боюсь, на это уже нет времени. – Я колебалась, не зная, должна ли я предложить свою помощь. Кто ж знает, что входит в обязанности сопровождающего.

Девушка самодовольно улыбнулась.

– Время есть. Багаж уже на борту, без нас они не улетят.

Я молча смотрела на нее, не понимая, что делать с этой уверенностью.

В конце концов я сдалась и сбегала за кофе, пока она оплачивала покупки (выложила больше двухсот фунтов за духи и крем для лица). Мы уже подходили к гейту, когда пассажирам с первого по тридцатый ряд разрешили пройти на посадку.

– А вот и мы, – радостно обратилась я к группе... Что? Где остальные?!

Все пассажиры, кроме нашей группы, были на борту, а я только отыскивала Фиону в туалете.

– Разрешите, я помогу вам, мэм. Пожалуйста, займите свое место. Срочно! – Не скрывая раздражения, стюардесса добавила: – Самолет уже давно должен лететь, мы опаздываем.

– Можно я только... – Я схватила сумку и путеводитель, из которого выпали чеки и носовые платки.

Как провинившаяся школьница, я наконец уселась на место, которое – конечно – оказалось рядом с Бенедиктом. Наверное, поменялся с Конрадом.

– Как я рад, что не торопился, – выдал он, не отрываясь от своей газеты. Разбираясь с ремнем безопасности, я сверлила глазами его макушку. Были слышны жалобы Аврил – слишком тесно. Она довольно громко негодовала, что мы летим эконом-классом. К счастью, Софи мило разговаривала с Фионой. Эта картина обнадеживала.

Произведя последнюю проверку, экипаж занял свои места, и самолет поехал по взлетной полосе. Обычный для меня восторг (я лечу куда-то на самолете!) был вытеснен давящим чувством ответственности. Я вдруг почувствовала себя такой маленькой и никчемной, что в отчаянии закрыла глаза и притворилась спящей. Как меня угораздило вляпаться в эту исто-

рию? Казалось бы, просто посадить людей на самолет... Но нет, это настоящий подвиг. А что же будет, когда в их распоряжении окажется весь город, в котором легко потеряться? Даже подумать об этом страшно.

Видно, я переволновалась сильнее, чем ожидала, потому что быстро провалилась в сон. Внезапно проснувшись, я так вздрогнула, что Бенедикт обернулся и одарил меня недружелюбным взглядом. Оставалось надеяться, что во сне я не храпела и не пускала слюни. Шарф сполз на колени, и я незаметно запихнула его за ворот, благо сосед не смотрел в мою сторону. Все его внимание было поглощено кроссвордом (и я невольно позлорадствовала, заметив, что он не сильно продвинулся).

– Пардон, ребята, мне надо пробежаться до сортира, – объявил Конрад, поднимаясь со своего места. Я выбралась в проход, Бенедикт последовал за мной. Стоя у него за спиной, я почувствовала свежий аромат, что и в тот вечер. Запах вызвал живые воспоминания о всех подробностях нашего игристого, как шампанское, флирта.

Я невольно устала на его аккуратно подстриженный затылок, борясь с безумным желанием погладить золотистые волосы на шее. Слава богу, в тот вечер я не поддалась порывам и не натворила глупостей. Хватило ума вовремя унести ноги, пока дело не зашло слишком далеко. А уж что могло бы случиться, не зазвони у него тогда мобильник... Присяжные так и не смогли прийти к единому мнению на этот счет. Так, минутная слабость, ничего не значащая. Слишком много шампанского, двое незнакомцев, бравада. И нечего вкладывать в эту ерунду глубокий смысл, его там не было. Случайная связь, интрижка, которая, к счастью, не состоялась.

К сожалению, некоторые отделы моего мозга не соглашались с такой трактовкой. И потому, когда Бенедикт обернулся ко мне, что-то внутри меня перевернулось. Кажется, я приоткрыла рот и, возможно, даже прерывисто вздохнула, встретившись взглядом с его холодными серо-голубыми глазами. Этот тип мне не нравится, он мне вообще неприятен – только и умеет, что орать, скандалист несчастный. Так почему же сердце пустилось в пляс и прошлось в зажигательном фанданго, будто я никогда не видела симпатичного мужика? Нет, ну серьезно, он грубиян, невежа, кошмарный тип. Он даже не хорош собой. Не особо хорош. Хотя, вообще-то, чертовски хорош. Неплохие плечи. Глаза. Лицо. Интересное лицо, какое-то идеальное даже. Заметьте, не красивое до умопомрачения, а просто правильное. Ладно, признаю, он был красив до умопомрачения. Но это еще ничего не значило.

Он моргнул, и на секунду мы снова перенеслись на тот балкон Большого зала, я будто вибрировала в ожидании чего-то. Память неизвестно зачем напомнила мне о драматичном мгновении, когда он коснулся моей спины.

Я оцепенела, потом вздохнула.

– Все в порядке? – спросила я у него любезно – настоящая профессионалка.

В ответ он поджал губы.

– Нет, – и посмотрел на наручные часы. – Сейчас я должен сидеть за столом и работать над интервью. Вместо этого я здесь, в двадцати тысячах футов над землей, с компанией людей, с которыми не имею ничего общего, – тут он пробурлил меня особо злобным взглядом, – оторванный от дома на целую неделю.

Бабочки, порхавшие в моем животе, умерли. Секундного взгляда хватило, чтобы заметить недовольство на его лице.

– Послушайте, Бенедикт...

– Бен.

Ну нет. Бен – это тот обольстительный, ироничный джентльмен в смокинге. Бенедикт – злобный Капитан Ворчун, и справиться с ним мне под силу.

– Мы можем долго ходить вокруг да около. Вы не хотите здесь быть и бла-бла-бла. Но приходится признать – вы здесь. Можно и дальше жалеть себя, быть несносным и ничего не вынести из поездки. А можно расслабиться и получить удовольствие.

Справа от меня женщина подняла голову – она явно наслаждалась спектаклем и старалась не упустить ни слова.

– А еще, – угрюмо улыбнулся он, – я могу развлекаться в Копенгагене за ваш счет, но писать свои статьи.

– Можно и так, – согласилась я, – хотя это было бы немного неэтично, вы не находите?

– Неэтично. Это вы мне? После того, как натравили на меня Докинса. Сдается мне, что это вам необходимо как следует поработать над своей этикой.

Я опустила голову. Возможно, в этом он и прав – самую чуточку.

– Схожу-ка и я в туалет, воспользуюсь возможностью.

Две стюардессы, которые медленно везли по проходу тележку с напитками, проводили его оценивающими взглядами.

Чтобы не загромождать им путь, я села на свое место и открыла новенький путеводитель по Копенгагену. Но сосредоточиться на чтении не могла. Тоненькая книжица была переполнена полезными сведениями. Я старалась вникнуть в написанное, но чем дольше читала, тем скучнее мне становилось. А может, голова просто была занята другими мыслями. От нечего делать я заглянула в кроссворд Бена... простите, Бенедикта.

Пару слов он уже вписал, негусто. Меня заинтересовал другой вопрос: *Никакой рыжий хвост не заметит след, оставленный ею в киноиндустрии XX (4)*.

Одна буква уже была вписана, причем первая, что и дало мне прекрасную подсказку. Я улыбалась, нет, я ухмылялась! Фокс. Киностудия «Двадцатый век Фокс». XX относится к двадцатке в названии. А рыжий хвост – ну *фокс* – это же лиса.

Шесть по горизонтали точно было ФОКС. Я схватила ручку, валявшуюся на сиденье, и, расплывшись в улыбке, маленькими аккуратными буквами вписала слово, после чего вернула ручку и газету на место – будто никто их и не трогал.

– Ку-ку, Кейт, а вот и я. – Конрад внезапно коснулся моего плеча. Я подскочила и пропустила его.

– Очень хорошо.

– Шустрый молодой человек, этот наш Бен, – заметил он, когда уселся. – Но не уверен, что он питает к тебе симпатию.

– Он не любит пиарщиков. А принять участие в поездке его заставил начальник. – Я пожалала плечами.

– Ах так, значит, ничего личного. – Он подмигнул. – Я уверен, ты его еще покоришь.

– Хм, – отозвалась я с кислой улыбкой. Еще какое личное, с большой буквы *Л*, и у меня нет ни малейшего шанса его покорить.

Я покосилась на кроссворд и едва слышно вздохнула. К тому же разве я собиралась это сделать? Да не очень-то и хотелось завоевывать этого типа.

К счастью, в конце прохода появились стюардессы, предлагая чай и кофе. Вся эта возня заняла какое-то время, и только после благополучного водворения чашек с кипятком на подносы Бенедикт – он к этому времени только-только успел вернуться – снова взялся за газету.

Держа свою чашку очень осторожно, я вытащила из сумки расписание. Не хватало еще ошпарить кипятком ногу Бена. Я пробежалась по последней версии списка дел (в него за последнее время добавилось много пунктов). Вдруг мой сосед шумно вздохнул.

Я снова и снова перечитывала одну и ту же фразу, не отрываясь от страницы и не говоря ни слова.

– Вы решали мой кроссворд! – В голосе были ужас, замешательство.

Я не удостоила его ответом, просто посмотрела в его сторону, невозмутимая и равнодушная.

Гневно шурша газетой, он сложил ее и бросил на колени, злобно глядя на меня.

Я с милой улыбкой посмотрела на кроссворд.

– А девять по вертикали, кажется, *антураж*.

Невинно пожав плечами, я вернулась к чтению, хоть это и было нелегко: меня разбирал смех из-за того, как разозлился Бен. Он закипел как чайник. Только вместо пара из него во все стороны била ярость, из каждой поры и из ушей. Чувствую, в Копенгагене будет нелегко. Ну хоть развлекусь немного за его счет...

Часть вторая Копенгаген

Глава 9

Блестящий и современный аэропорт Копенгагена в общем мало чем отличался от любого другого аэропорта, какие я видела, не считая забавных надписей по-датски, с перечеркнутыми О и маленькими кружочками над А. Да, еще здесь была копия статуи Русалочки.

Когда все чемоданы были получены, я повела свою группу по зеленому коридору. Заметив человека с белой табличкой, которая гласила *Группа Йем / Кейт Синклер*, я готова была его расцеловать. Он стоял точно напротив нашего выхода, не пропустишь.

Я потрусилась к нему, вдруг ощутив прилив бодрости и уверенности в себе. Встречающийся представился (выяснилось, кстати, что его имя произносится Мэс, а сам он оказался вполне вменяемым) и повел нас на улицу, где уже ждал мини-автобус.

– Итак, вы в прекрасном городе Копенгагене, столице Дании, самой счастливой страны в мире. – Мэс усмехнулся. – В ближайшие несколько дней вам об этом будут твердить постоянно, но это и на самом деле так. У нас есть собственный Институт счастья. И вы много услышите о нашей системе социального обеспечения, наших налогах и нашем либерализме. Моя задача – постараться дать вам почувствовать вкус настоящей Дании, хотя бы немного, но у вас будет масса свободного времени, чтобы самим походить по улицам, осмотреться и все увидеть своими глазами. Завтра мы полюбуемся на город с воды, оттуда открываются самые лучшие виды. – Мэс с торжественным видом извлек откуда-то скрученный в рулон потрепанный лист, развернул и помахал как флагом. – А еще вам предстоит первое знакомство с настоящей датской выпечкой. Да, вы непременно должны попробовать наши знаменитые *канельснегле*. Ну а сегодня нас ждет обед, затем экскурсия по королевскому дворцу Амалиенбург. Ужин сегодня вечером будет в вашем отеле.

Каждую фразу он заканчивал торжествующим повышением интонации – что звучало мило и обаятельно.

Бенедикт уткнулся в свой телефон с безучастным видом. Меня так и подмывало лягнуть его тихонько, чтобы перестал так безобразно себя вести. Но Мэс (в котором мне виделось что-то общее с зайчиком Дюраселл) оставил этот вопиющий факт без внимания и стал рассказывать о том, что мы видели в окно.

– *Канельснегле* какие-то... А по-нашему это что? – спросила Аврил, морща нос.

– Коричневая улитка, – звонко откликнулась Софи, изображая форму рукой. – Булочка с корицей. Настоящая датская сдоба. Не могу ее дождаться! Попытаюсь выпросить у них правильный рецепт для журнала.

Так вот что это такое. Я так и не удосужилась заранее почитать про них... как и про кафе «Варме» Евы Вильдер. Ларс включил кафе своей матушки в нашу обширную программу, обозначив его как регулярное место перекусов. Для бизнесмена такого уровня он был на удивление заботливым и очень трогательно относился к своей семье.

Фиона, как только мы вышли из самолета, сразу оживилась и непрерывно фотографировала буквально все, что видела. Девушка старалась ни с кем не встречаться взглядом, но так подпрыгивала на краешке своего кресла, что ее скрытое возбуждение передавалось мне. Сидящие рядом Софи и Дэвид с веселым интересом наблюдали, как Фиона поминутно радостно хватается за аппарат, и вполголоса что-то обсуждали, пытаясь включить в разговор и ее – однако она так ни разу и не ответила, будто не слышала. На заднем сиденье дружно хохотали Конрад

и Аврил. Быстро они поладили! Дружба вспыхнула как лесной пожар. Вот только бы мне в нем не погореть.

Впрочем, я отметила, что Аврил, не отрываясь от разговора, успела запостить в Твиттере:

Приехали в Данию, дом королевской семьи, улитки с корицей и счастье
#ЧудоКопенгаген #пресстурромантика

Кажется, дело идет и я могу расслабиться... Мы подъехали к отелю – и у меня с грохотом упала на пол челюсть. Перед нами было аб-со-лютно потрясающее здание, ничего общего с трехзвездочными уродцами из моих прежних поездок. Тут были пять звезд по полной программе, начиная от элегантных швейцаров в цилиндрах и ливреях из серой шерстяной ткани и металлических тележек для багажа и заканчивая величественной изысканностью просторного вестибюля.

– Вот это уже лучше, – заметил Конрад при виде такого великолепия, и от широкой улыбки по его лицу побежали морщинки, а усы довольно встопорщились.

Я постаралась притвориться, будто нисколько не удивлена, будто всё так и было задумано, но моя затея с треском провалилась. Потому что, когда Софи подтолкнула меня в бок и шепнула «Вау. Ничего себе», я, чуть не хихикая от смеси восторга и ужаса, так же шепотом ответила: «Ага. Я сама не ожидала».

Блин. Я реально такого не ожидала. Поселить семь человек в гостиницу такого уровня – да это же бешеные деньги. У меня даже желудок светло. Дело-то, оказывается, серьезное. А я за него взялась отвечать.

И вот я стояла там, и в ушах у меня звенело. Скоро ли все они поймут, что я – полный ноль во всех отношениях? Что я понятия не имею обо всем этом *хюгге* и верю в него не больше, чем в существование фей.

Аврил первой отдала свои чемоданы коридорным, после чего не моргнув глазом уселась на один из роскошных серых бархатных диванов, изящно скрестив свои длинные ноги – воплощенная элегантность. Дэвид был не настолько хладнокровен, если судить по тому, как он дергался и хихикал при виде всей этой роскоши. И, благослови его Бог, ему было плевать, что кто-то это заметит. Последовав примеру Аврил, Дэвид сел на стул с бледно-лимонной обивкой неподалеку от диванов, но все-таки не слишком близко. Этим он напомнил мне нашего старого пса Тостера, который укладывался ближе или дальше к газовому обогревателю в зависимости от настроения кошки Мод, чья железная лапа правила домом.

Фиона замедлила шаг и завертелась на месте, наклоняя набок голову и будто пытаюсь уловить каждую мельчайшую деталь декора. Панели дорогих обоев на стенах стильного нежно-серого цвета, гармонирующего с белым деревянным бордюром вдоль пола и потолка. Изысканные цветы, тщательно подобранные по цвету. Розово-лиловые каллы в высокой вазе из простого стекла на каминной полке, дважды отраженные в зеркале с позолоченной рамой. Толстые, перевязанные лентой букеты пышных садовых лютиков редкостного теплого розового оттенка украшали столики, а искусно расставленные на стойке регистрации крохотные горшочки с белыми цикламенами прекрасно оттеняли темное красное дерево.

Я отправила Конни по ватсапу с дюжину кадров своего шикарного номера. Немного жестоко, учитывая, что в это время дня моя подруга по уши в работе со своими учениками. Но на самом деле я просто прибегла к тактике проволочек, всеми силами оттягивая момент, когда придется здесь до чего-то дотронуться. Постель с хрустящим белоснежным бельем и дизайнерскими аксессуарами оказалась такой огромной, что на ней можно было потеряться. Нерешительно и осторожно, как воришка, я обследовала ящики и заглянула в шкафы, где обнаружила набор для рукоделия и салфетку для чистки обуви. Потом, робко переместившись в ванную с туалетом, я свела знакомство с аристократическим ароматизатором «Шалфей и брызги моря».

Разок я вдохнула этот богатый запах, и этого хватило, чтобы окончательно почувствовать себя не в своей тарелке.

Я прилегла на краешек кровати и немного попрыгала на мягком пружинящем матрасе, размышляя, что же дальше. Невозможно было избавиться от мысли, что я нагло заняла чье-то чужое место. Распаковывать вещи казалось дерзостью, повесить свои тряпки в этот гардероб – кощунством. Выбитая из колеи, я тяжело вздохнула и пожалела, что мне некому поплакаться, не к кому прислониться.

Моей матери нравится заботиться о людях. Не знаю, почему в голове всплыли эти слова Ларса. Вдруг мне стало тоскливо и ужасно захотелось нормальной жизни и уюта. Кафе с ароматным кофе и теплыми булочками – это то, что нужно, решила я.

Надев новенький, купленный в дорогу пуховик (судя по людям в аэропорту, это было как раз по погоде), я вышла на улицу, чувствуя себя невероятно смелой, хотя, судя по карте, кафе «Варме» располагалось от гостиницы буквально в двух шагах. Мне казалось, что я пускаюсь в опасное путешествие. Первый раз за границей самостоятельно, да еще живу в запредельно пафосном отеле. Я подняла лицо к небу и лучезарно улыбнулась сама себе. Мамочка была бы довольна. С внезапно защемившим сердцем я представила, каково было бы иметь возможность обо всем ей рассказать.

Мне потребовалось самое большее минут пять ходьбы по булыжным улицам, чтобы найти кафе «Варме», и еще не больше пяти секунд, чтобы влюбиться в него без оглядки. Милое, немного нелепое – я даже не могу сказать точно, что именно меня в нем так привлекло. Определенно, не особо модное и роскошное, не то что наш отель. Название «Варме» было написано медными металлическими буквами (высота двадцать сантиметров, шрифт «курьер», привычный и спокойный). Медь горела на солнце, словно языки пламени, лижущие покрытую серой краской деревянную доску. И это показалось мне полным смысла, ведь в переводе на английский «Варме» означает тепло.

Толстые каменные стены песочного цвета, которые больше смахивали на стены крепости, а между ними зажаты высокие, во всю стену, окна-витрины в таких же серых деревянных рамах. Крошечная лесенка, всего несколько ступеней, вела к застекленным дверям в кафе, а как только я их распахнула, навстречу вырвался аромат корицы и кофе, сразивший меня наповал. Сразу вспомнилось, что чашка довольно мерзкого кофе в самолете даже частично не покрыла потребность моего организма в этом напитке.

Миниатюрная, изящная женщина со светлыми волосами, забранными в хвостик, в черных джинсах и черном джемпере, протирала столы быстрыми экономными движениями. Подняв голову, она с улыбкой произнесла что-то вроде «Ку морэн» и, последний раз взмахнув полотенцем, повернулась ко мне.

– Извините, я ищу Еву Вильдер.

Мои практичные балетки слегка поскрипывали на паркете в елочку. Я сделала пару шагов к женщине, стараясь не глазеть слишком откровенно по сторонам. А поглазеть хотелось, так много тут было всякой всячины. Узкий и длинный зал, белые стены снизу доверху расписаны цветами – но не китч «под сельский стиль». Немного размытая роспись, напоминающая акварель, выглядела современно и изящно.

– А вы ее уже нашли. – В ее глазах светилось неподдельное удовольствие. – Вы, должно быть, Кейт. Ларс мне все уши прожужжал.

Она отложила полотенце, взяла меня за плечи и стала рассматривать с таким радостным вниманием, что я немного струхнула – уж не приняла ли она меня за давно пропавшую родственницу.

– Как же я рада с вами познакомиться. Вот увидите, мы с вами обязательно подружимся. Добро пожаловать в «Варме».

Даже не переведя дыхания после длинной тирады, она потянула меня к деревянному столу, крашенному белоснежной эмалью, и усадила на стул.

– Давайте выпьем кофе, и вы мне расскажете о себе.

– Кофе – это замечательно, – произнесла я с чопорной британской любезностью, надеясь, что Ева забудет про окончание своей фразы.

– А *винерброд*?

Я собралась было отклонить предложение, но желудок издал жалобный стон, такой оглушительный, что Ева не стала ждать ответа. Перед поездкой я все же успела проделать небольшую работу и про эту странность уже знала: то, что весь остальной мир называет датской сдобой, здесь, в Дании, величают венским хлебом. Вот такие пироги.

– Да, пожалуйста. Я сегодня за весь день выпила только чашку кофе, и то в самолете. – И я состроила скорбную физиономию, чтобы всем стало меня жалко.

– Это мы сейчас исправим. – Как и у сына, английский у нее оказался с легким американским акцентом. А вот глаза совсем другие, не небесно-голубые, как у него. У Евы глаза были теплые, карие, с веселым прищуром, они придавали ее лицу с мелкими чертами вид проказливого эльфа. Трудно было поверить, что это мать дюжего Ларса. Женщина была вдвое меньше его ростом и вообще выглядела слишком молодой для такого сына.

Я села и, пока хозяйка хлопотала на кухне, как следует осмотрелась. В середине длинной черной стены имелся прилавок, за ним – бесконечные ряды металлических коробок с кофе и крашеные серые стеллажи с тарелками, чашками и кружками. Даже издали я различила синий цветочный орнамент – фирменный узор Королевской копенгагенской фарфоровой мануфактуры. На самом прилавке выстроились стеклянные колпаки, а под ними разнообразнейшие пирожные, кексы и десерты. Между ними в стеклянных шкафчиках были разложены разноцветные сэндвичи, слишком нарядные и красивые, чтобы их есть.

Сквозь сервировочное окошко в стене можно было разглядеть маленькую, очень компактную кухню, с которой и неслись все эти волшебные запахи.

– Как насчет колумбийского кофе сегодня? – подошедшая Ева одарила меня очередным одобрительным взглядом.

Я кивнула:

– Это просто прекрасно. – Что-то в ее озорной улыбке заставило меня прибавить: – Хотя, честно говоря, в студенческие годы я подрабатывала в кафе как бариста и, боюсь, колумбийский кофе меня как-то особо не цеплял.

– Полезная профессия. Тот, кто умеет готовить кофе, без работы не останется. Я вас, пожалуй, поэксплуатирую, если народу будет много. – Хоть она и подмигнула, я была почти уверена, что это не шутка.

– А вы со всем этим сама управляетесь?

– По большей части, но время от времени приходят помогать друзья или студенты.

– Чудесное место.

На стенах кафе я углядела бледно-зеленого оттенка мяты стеклянные полки с маленькими, идеально подобранными композициями. Пять изящных винных фужеров из темно-фиолетового стекла. Семь серебряных яиц разных размеров. Отдельную полку занимала единственная старинная чашка с блюдцем. Ничего подобного я раньше не видела и пришла в полный восторг. Вся эта изумительная разностилевая смесь выглядела совершенно естественно и просто – никакого намека на то, что над этой инсталляцией трудился художник.

– Фужеры хороши, – я показала на них пальцем, – у вас здесь столько красивых вещей.

– Датчане это любят. Психологи доказали, что, глядя на что-нибудь красивое, люди становятся счастливее. Вот почему наш народ уделяет дизайну столько внимания. На эти фужеры я много лет назад наткнулась на блошином рынке, а сейчас набралось так много всего, но с ними я не могу расстаться. Они замечательные, правда?

Ее рассказ подтвердил мое ощущение, что все предметы здесь присутствуют лишь по одной причине – их здесь любят.

– У вас фантастический английский!

Ева засмеялась.

– Я много лет прожила в Лондоне. Ну вот, – она подошла к столу с подносом и поставила передо мной высокую фарфоровую чашку с блюдцем и кувшинчик молока. – Крепкий и вкусный. И еще *спандауэр*.

Спандауэр оказался квадратной булочкой с загнутыми углами и красной начинкой. Блестящее маслянистое тесто выглядело жутко аппетитно, а когда я откусила первый кусок, в рот хлынуло душистое земляничное варенье.

– Ммм, – промычала я, не контролируя себя, – какая прелесть. Ох, и утро сегодня было – сплошная нервотрепка.

– Хорошо, что сейчас можно расслабиться.

– Не уверена в этом. – Я быстро взглянула на часы. – Мне пора возвращаться в отель, чтобы собрать всех вместе через полчаса.

– Масса времени.

– Не забывайте, я одна здесь работаю. Все остальные – гости. А я при исполнении.

– Это вас беспокоит? – Ее проницательность меня даже слегка покорибила.

Но я молча кивнула.

– Вот мой номер, забейте его в свой телефон. И можете звонить мне без колебаний, если что-то понадобится, но я уверена, у вас все будет в полном порядке. И еще – пока вы здесь, вы не при исполнении. Мой сын хотел другого: чтобы вы узнали настоящую Данию, расслабились и наслаждались нашим датским гостеприимством. Чтобы и вы, и ваши журналисты своими глазами увидели, почему нас считают самой счастливой страной в мире. Мне нужно кое-что сделать, но мы можем продолжать болтать.

Ева вышла в зал проверить, как дела у немногочисленных посетителей: пары средних лет, сидящей в углу, и подростка у окна, который уткнулся в свой айфон.

Пока я попивала свой кофе, она расставила на все столы миниатюрные жестяные ведерки с цветами и разложила написанные от руки меню в фоторамках небольшого формата.

– Какие милые. – Я взяла в руки стеклянную фоторамку, лежащую на моем столе.

– Тоже с блошиного рынка, купила еще в Англии. Люди выбрасывают столько чудесных безделушек. – Она взяла с другого стола меню в ажурной серебристой рамке. – Мы в Дании покупаем не так уж много вещей, но они служат нам по многу лет. И нам нравится покупать качественные и очень красивые вещи. – Ева многозначительно подняла палец. – Освещение тоже очень важно. – Над нашими головами висели три большие люстры, похожие на стеклянные водопады, а по углам – разной величины торшеры. – Например, простой студент может потратиться и купить за несколько тысяч крон очень дорогую лампу Поуля Хеннингсена¹³. Потому что важно иметь в доме хорошие вещи, но вовсе не нужно, чтобы этих хороших вещей было много.

Пара в углу собралась уходить. Мужчина махнул Еве рукой и попросил счет. А я воспользовалась тем, что осталась одна, и вынула мобильник, чтобы проверить электронную почту. Сообщений из офиса было не меньше, чем в другие дни. Видимо, от меня ждали, что я буду из Дании звонить другим клиентам и работать с прессой, как обычно. Расслабишься тут, как же.

Едва я успела ответить на несколько писем, как вернулась Ева.

– Расскажите мне немного о себе.

Я растерялась. Что можно рассказать совершенно чужому человеку? Непонятно даже, с чего начать.

¹³ Поуль Хеннингсен – известный датский дизайнер, специалист в теории освещения, автор легендарных светильников.

– Ну я живу в Лондоне. Работаю в агентстве по связям с общественностью, и Ларс обратился к нам с просьбой помочь ему раскрутить новый универмаг. – Я смолкла и пожала плечами, потому что Ева продолжала смотреть на меня в ожидании.

– Не замужем. Детей нет?

– Нет.

– Наверное, есть бойфренд.

Я вздрогнула, вспомнив Джоша.

– Нет. В настоящий момент нет.

– А, значит, недавно был.

– Да, но... у меня сейчас совсем нет времени для отношений. – К тому же последний оказался никудышным идиотом. Это я не собиралась поизносить вслух. – Главное в моей жизни... Ну, в общем, это работа.

Ева перебирала лепестки стоящего на столе цветка.

– Да, но жизнь – это же не только работа. Особенно у красивой молодой женщины вроде вас. А друзья, семья? – Блеснув глазами, она убрала несколько сухих листьев и наклонила голову набок, как хитрая птичка.

– Семья есть. Они живут под Лондоном, в ближнем пригороде. Я с ними вижусь, конечно. У меня два брата.

Интересно, понравился бы им Копенгаген? Джон съездил раз на каникулы с приятелями. Его рассказ изобиловал шокирующими деталями, вроде дешевого пива, которое лилось рекой, тусовок в ночных клубах и неразборчивых связей с доступными женщинами. Брендон откладывал деньги, чтобы съездить в Калифорнию на съезд фанатов «Звездных войн», но вероятность этой поездки все еще была не выше, чем у путешествия на Луну. А папа... ну, он вообще ни разу не был в отпуске с тех пор, как умерла мама.

– Моя мама умерла, когда мне было четырнадцать лет, – выпалила я. Я редко кому об этом рассказывала и сейчас сама удивилась. Видно, в Еве было что-то такое располагающее. Какое-то тепло, что ли, и еще дружелюбие.

– Это очень грустно.

– Да, но уже много лет прошло. – Я схватилась за мобильник, но смотреть на экран не стала: мне было неловко и не хотелось делать это под пристальным взглядом Евы.

– Для девочки это особенно тяжело.

Я подобрала с тарелки последние кусочки сдобы и положила в рот, избегая смотреть на Еву.

– Кафе чудесное. Давно вы им занимаетесь?

Ева улыбнулась.

– Вот уже шесть лет. Я занялась им вскоре после того, как рассталась с отцом Ларса.

– Ой, прости... я не знала.

– Как ты сказала, прошло уже много лет, и я сейчас *намного* счастливее. – Уголки ее рта опустились. – Андерс не датчанин, точнее, датчанин, но слишком много времени провел в США и Лондоне. Он трудоголик.

Я нахмурилась, не совсем понимая:

– Трудоголик?

– У датчан так не принято. Мы не живем, чтобы работать. Я надеялась, что, когда появятся дети, он перестанет так гореть на работе, больше не захочет тратить на нее все свое время. Мы много лет прожили в Лондоне, а когда вернулись в Копенгаген, я уж думала, что он немного сбавит обороты. Что мы сможем больше времени проводить вместе, но он не сумел. У нас было все. Уютный дом. Дети выросли. Настало время для нас – как для пары, – а он продолжал пропадать в своем офисе и все только работал, работал и работал. Жизнь коротка. Зато теперь я провожу время со своими друзьями. – Ева безмятежно опустила подбородок

на руки, излучая уверенность и спокойствие. В ее голосе не было ни горечи, ни сожаления. – Здесь моя жизнь. Многие посетители со временем стали мне друзьями. Я кое-чего добилась сама, но с удовольствием делюсь этим. – Ее лицо просияло. – Очень уж я люблю готовить. Кормить людей. Заботиться о них. И для меня большая честь, что я могу делать это для жителей Копенгагена.

Я кивнула. На вкус и цвет товарищей нет. Для меня готовка была обузой, неизбежным злом, а уборка и мытье посуды – неоправданной тратой времени. Счастье еще, что есть супермаркеты, полуфабрикаты и готовая еда, которую нужно только разогреть.

– А что ты любишь готовить? – вдруг спросила Ева.

Вот засада, мой кивок она приняла за согласие с ее словами. Я замерла и уставилась в чашку, надеясь, что кофе вдохновит на ответ.

– В общем-то, я... ну, знаешь... – Ева кивнула с понимающей («с тобой все ясно») улыбкой, после чего оставалось только сознаться. – Как-то все времени не хватает. Я работаю допоздна, а с квартирной соседкой у нас разные графики. А для себя одной готовить большого смысла нет.

Трудно было усмотреть что-то обидное в том, как Ева покачала головой, удивленно и слегка неодобрительно.

– По-моему, эта поездка в Копенгаген придумана прямо для тебя, Кейти.

– Я Кейт... – Я замолчала и... передумала. В устах Евы это мое имя прозвучало так ласково и с такой теплотой, что мне вспомнилась мама. Внезапно я почувствовала, что между Кейт и Кейти – огромное расстояние, целая бездна.

Глава 10

Отправиться на экскурсию, где все организовано, – невиданная роскошь. Первым делом нас отвели к Русалочке, которая оказалась намного меньше, чем я себе представляла. А ведь могла догадаться – не зря в ее имени содержится уменьшительно-ласкательный суффикс! Дальше наш путь лежал к королевскому дворцу Амалиенборгу, только вот дворцов оказалось целых четыре, они образовывали квадрат. Солдаты в карауле очень смахивали на гвардейцев нашей королевы – те же высокие медвежьи шапки, только мундиры не красные, как у наших, а темно-синие. Заприметив над одним из дворцов реющий флаг Дании, Мэс очень обрадовался и объяснил: это значит, что Маргрете у себя в резиденции (так и назвал ее, как будто речь шла о соседке, а не о королеве).

Мэс улыбнулся во весь рот.

– Наша королевская семья очень популярна, а Маргрете известна тем, что курит как сапожник, даже на публике.

Поскольку королева так и не выбежала к нам быстренько курнуть на задворках дворца, за контейнером для сбора вторсырья (все датчане помешаны на вторичной переработке), мы перестали ждать и отправились на обед в «Иду Давидсен», то ли семейный ресторан, то ли бутербродную для тех, кто помешан на типичных датских открытых бутербродах, называемых *смёрреброд* (или *смёрребруг?*).

Софи заставила Мэса повторить это слово раз пять, прежде чем смогла его воспроизвести. Гид объяснил, что датское произношение чрезвычайно сложно для иностранцев, так как в датском алфавите 29 букв, все эти ø, å, æ – отдельные буквы и, соответственно, очень тонко различающиеся гласные звуки, которые трудно расслышать и воспроизвести тем, кто родился не в Дании.

На обед мы с Софи шли рядом.

– Я так жду всего этого. Открытые сэндвичи здесь удивительные. Не могу дождаться. – Она помолчала и пожала мне руку. – Кейт, большое спасибо, что ты меня пригласила. Это будет незабываемая поездка.

Она так сияла и радовалась, что я невольно улыбнулась в ответ.

– Не за что. Я и сама рада, что ты смогла поехать. И сразу так охотно откликнулась. – Я покосилась назад через плечо. – Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы уломать кое-кого.

Все, кроме Бена, задавали множество вопросов. Он же почти все время висел на телефоне, а несколько раз я видела, как он зевает, будто от скуки. Мог бы, по крайней мере, притвориться.

– Правда? Трудно даже поверить. – Софи с сомнением оглядела остальных. – Кто же променяет пять дней в Копенгагене на работу в офисе? Хотя получилась интересная компания. Дэвид – просто прелесть. Я уже однажды с ним была в поездке. С ним легко и просто. Аврил и Конрад. Ну в них я не настолько уверена. А Бена и вовсе не знаю, но он, мне кажется, довольно сексуальный, горячая штучка, да? – и она смешно пошевелила светлыми бровями, ненатурально изображая страсть.

Я только плечами пожала – вроде неуместно комментировать, непрофессионально. Ох, если бы она только знала... Я готова была его удавить собственными руками. Он сводил на нет все усилия объединить группу, постоянно отбегал с мобильником, как непослушный подросток, да еще и зевал, когда думал, что никто не видит этого. К сожалению, я видела. Не могла заставить себя не смотреть, постоянно проверяла, как он отреагирует, – и огорчалась, потому что его реакции были далеко не позитивные.

– Хорошо еще, что я по уши влюблена в Джеймса.

– Твой бойфренд? – Я ухватилась за возможность сменить тему. Не хотелось ни думать про Бена, ни тем более говорить о нем – и особенно о его сексуальности.

– Да, – со вздохом ответила Софи. – Он очень милый.

– Вы с ним уже давно вместе?

– Почти два года. – Она обхватила себя руками и взглянула на меня. – Надеюсь – скоро дождусь самого важного предложения.

– Вы живете вместе? – продолжила я допрос.

– Вроде, только есть одна проблема. Мать у него очень больна. Поэтому четыре дня в неделю он работает в Лондоне, а потом уезжает в Корнуэлл, ухаживать за мамой. Система медицинской помощи устроена по-идиотски. Они не предоставляют сиделок на выходные. Так что все у нас непросто, но я подумываю брать дополнительный выходной на работе, чтобы мы могли ездить к ней вместе. Да я и не намерена всю жизнь жить в Лондоне. А ты? У тебя кто-нибудь есть?

Я открыла рот, чтобы поведать ей о Джоше, но вдруг заметила на себе ледяной взгляд Бена (полную противоположность тому взгляду, который он бросал на меня в вечер первого знакомства).

Уголки губ сами поползли вверх.

– Нет, хотя недавно был. Но в обозримом будущем мужчин в моей жизни не предвидится.

Снаружи ресторан показался непритязательным, самый обычный дом, как любой другой. Но внутри все выглядело стильно – уже хорошо узнаваемый датский дизайн, явное отражение датской души. Темные деревянные столы и стулья были расставлены в строгом порядке, на белых крашенных стенах висели фотографии знаменитых посетителей, карикатуры и шаржи и множество портретов улыбчивой Иды Давидсен, оказавшейся реальным человеком.

Кто знал, что презренный сэндвич может быть настоящим произведением искусства? В меню было больше двухсот пятидесяти их разновидностей, и нас пригласили подойти к прилавок и познакомиться с ярким, как радуга, ассортиментом в стеклянных шкафчиках. От одного их вида у меня началось активное слюноотделение, хотелось попробовать каждый.

На ломтиках темного ржаного хлеба рядами лежали сочные розовые креветки, янтарные рулетики из копченого лосося, темная икра какой-то рыбы с лимоном и укропом, тонкие ломтики ростбифа, украшенные свежим огурцом, скрученные половинки селедки в окружении четвертинок яйца, мелко нарезанного зеленого лука и его длинных усиков.

Софи была на седьмом, восьмом, да чего уж там, на девятом небе от счастья.

– Я могла бы поселиться здесь навсегда. Как, ну как можно что-то выбрать?

– Желудок умер и попал в рай, – заявил Конрад, надевая очки и внимательно изучая витрину.

– Я не совсем понимаю, из чего это сделано, – заметил Бен.

– Это – ломтики свинины, – принялась объяснять Софи, – а здесь...

Она отлично разбиралась в этом многообразии, как и следовало ожидать от журналиста, который пишет о еде.

– Бррр, все это – сплошные калории. – Аврил печально потеряла свой несуществующий живот. – Не хотелось бы вернуться домой раздобревшей, как шкаф.

Учитывая, что сейчас она была худющей, как скелет, ей не помешало бы к возвращению домой принять облик нормального человека.

– Можем мы заказать что-то сверх? – спросила Софи, когда все мы заняли места за отведенным нам столом, громко переговариваясь и обсуждая, что же заказать. В кафе было полно народу – популярное место, сразу видно. – Нам всем хочется попробовать что-то незнакомое.

– Гм, я сомневаюсь, что мне понравится маринованная селедка, благодарю покорно. – Аврил почти брезгливо отвернула свой аристократический нос от меню.

– Нет, ты должна, для твоего кулинарного просвещения. А вдруг тебе понравится? – убеждала Софи, взмахивая руками в сторону витрин.

Аврил, поморщившись, вернулась к меню.

– Кое-какие идеи тут просто классные, так и просятся на страницы журнала. Думаю, я сделаю убойный материал по открытым бутербродам.

– Отличная мысль, – кивнула я, а у самой лихорадочно заработали мозги. – А можно было бы провести в универмаге демонстрацию, вроде мастер-класса? Объявить его как событие, организуемое журналом.

– Там в нем будет кафе или ресторан?

– Вряд ли, это, наверное, слишком по-английски.

– Жалко, но я уверена, что мы сможем организовать прекрасный показ и занятие по стряпне. – Софи мгновенно загорелась энтузиазмом. – Моему редактору это понравится. Мы постоянно в поиске интересных событий для подписчиков. Я могу выступить и рассказать о типах хлеба. Ржаной хлеб. Отруби, плетенки традиционные и современные. Маринованная селедка и зеленый салат, копченый салат с редиской, говяжья солонина и датские маринованные огурчики.

– Здорово, звучит аппетитно. А потом можем рассказать об этом в Твиттере. Нащелкать фотографий и разместить в Инстаграме.

– И на Фейсбуке, – оживленно прочитала Софи.

Я извлекла свой блокнот.

– Господи, у вас когда-нибудь бывают передышки? – вздохнул Бен, сидящий напротив нас. Почти весь день он помалкивал и явно больше интересовался своим телефоном. И здесь, не успели мы усесться, сразу спросил у официантки код для Wi-Fi.

– Я делаю свою работу, – огрызнулась я. Он с самого приезда не желал включаться в общий ритм и демонстративно интересовался лишь своей электронной почтой.

– Работа, тоже мне, – буркнул Бен, снова прикикая к экрану мобильного.

За столом группа разделилась и вела параллельно как минимум два разговора. Софи, Дэвид и я болтали с Мэсом, в то время как Конрад и Аврил набрали на богатую жилу сплетен о знакомом им обоим редакторе журнала светской хроники. Фиона с самого начала уселась немного на отшибе, выбрав самый дальний стул, и, кажется, старалась слиться с тенями. Она крутила в руках фотоаппарат, а я все никак не могла придумать, как бы половчее и потактичнее вытянуть ее из изоляции.

У Бена был не менее отрешенный вид, но вот он внезапно поднял голову и заметил, что я исподтишка за ним наблюдаю. Он тут же выпрямил спину, перегнулся через стол и обратился к Фионе:

– Ну что, есть удачные кадры?

Девушка дернула головой с обычным своим испуганным видом и застыла на секунду. Но все остальные оживленно болтали, никто не обращал на нее внимания, и она робко протянула Бену свою камеру. Склонившись над экраном, он пролистывал снимки, бережно держа камеру и время от времени одобрительно кивая.

– Это великолепно, Фиона, – сказал он негромко, собираясь вернуть аппарат, но, к несчастью, его услышала Аврил.

– Ух ты, я тоже хочу посмотреть.

Я отметила страдальческое выражение на лице Фионы и искреннее сожаление Бена, но ничего не поделаешь: все столпились вокруг его стула, стремясь разглядеть получше.

– Ого, а снимки и правда хороши, – удивилась Аврил. – Русалочка просто сказочная. И вот тот кадр мне понравился, где на первом плане дворец, а сзади море. Я тоже его щелкнула, чтобы запостить в Твиттере, но моя фотография этой и в подметки не годится.

Бен пролистал все снимки.

– Я не уверен только насчет этого, – весело заметил он, показывая нерезкое изображение Дэвида и Конрада на фоне дворца перед одним из караульных.

– Ради Господа Иисуса, Марии и Иосифа, умоляю, скорее сотрите этот кошмар, – комично запричитал Конрад. – Я здесь похож на престарелого трансвестита после недельного запоя.

Неожиданно Фиона, вместо того чтобы опустить голову и залиться краской, тихо приснула.

– Раз ты просишь, я его сотру.

– Очень, очень надеюсь, – шутливо поклонился ей Конрад. – Есть ли возможность получить к обеду бокал вина? Я погибаю от жажды.

Бен отдал камеру Софи, и мы, сидевшие с другой стороны стола, сгрудились вокруг. Фиона оказалась на редкость талантливым фотографом. Она снимала и кое-кого из группы, и меня особенно поразили фотографии Аврил. Ничего удивительного, что она так горячо хвалила Фиону: на портретах она была хороша, как голливудская кинозвезда. Впрочем, она явно позировала, видя, что ее снимают, и большинство портретов выглядело постановочными. Но имелось одно исключение. Пока все мы любовались статуей Русалочки, Аврил погрузилась в свои мысли и рассеянно смотрела куда-то в море. Фиона уловила момент, когда Аврил, вся залитая солнечным светом, не замечала, что ее снимают. Ее очаровательное лицо было полно грусти и тревоги, а плечи так поникли, словно несли на себе земной шар. Все это насколько отличалось от образа, который Аврил обычно являла миру, что я задумалась.

Я передала аппарат владелице, и Фиона, розовая от удовольствия, убрала его в сумку.

– Мне кажется, ты вполне можешь претендовать на работу профессионального фотографа, – сказала я. – Интересно, сможем ли мы приобрести часть снимков для кампании.

– Не надо, я их и так тебе пришлю.

– Ни в коем случае, – вмешался Бен, неприветливо хмурясь в мою сторону. – Обязательно получи с них деньги. Снимки чертовски хороши, а бизнес есть бизнес. У тебя авторское право. Не позволяй никому себя использовать.

От разговора всех отвлекло появление подноса с кофе, а я не справилась с искушением и лягнула Бена ногой под столом (не так сильно, как хотелось бы).

Потом я пристально посмотрела на него и тихо сказала:

– Я ведь предложила купить их.

– Как трогательно, как бы не прослезиться. – Его наглая улыбка была даже еще более оскорбительной.

– Мне не понравился этот выпад – насчет того, что я могу ее использовать.

– Это было бы не в первый раз, правда?

Я вытаращила на него глаза.

– Господи, да вы, похоже, ни о чем другом и думать не можете. Заело, да? Отрастили на меня зуб и думаете о мести? И когда же вас отпустит наконец...

Он торжествующе улыбнулся, ни дать ни взять мальчишка на детской площадке – впрочем, именно так он себя и вел, по сути.

– А что, если никогда?

– Ребята, кому что? – громко возгласила Софи, когда очень миловидная датская официантка подошла принять у нас заказ.

Софи махнула в мою сторону вилкой:

– Кейт, селедка божественно хороша. Хочешь попробовать кусочек? Эй, что все замерли, начинайте же, вы все должны чего-нибудь отведать. Это полезно для вашего кулинарного просвещения.

У меня возникло предчувствие, что эту фразу мы еще не раз услышим на протяжении ближайших дней.

Наконец, поскольку от богатства выбора у всех нас разбежались глаза, мы заказали разные варианты на всех (хотя Софи настаивала, чтобы каждый продегустировал четыре сорта сельди, помимо остальных вариантов).

Как и остальные члены группы, я не очень хотела есть селедку (я вообще не фанат рыбы), но выражение чистого восторга на лице Софи подвигло меня на эксперимент. Я взяла вилку и нацепила на нее ближайший кусок на блюде. Это был ржаной хлеб с тмином, на нем селедка и поверх всего смесь из моркови с имбирем.

– Ух ты! – Мои вкусовые сосочки бурно отреагировали на запахи и вкус. – Необыкновенно вкусно! – Я откусила еще раз и с энтузиазмом уставилась на блюдо. – Реально, – я осмотрела коллег, – вы должны это попробовать.

Софи сияла, как гордая мать, а остальные, включая даже капризулю Аврил, взялись наконец за вилки, которые она подвинула на середину стола.

– В самом деле, недурственно, – сказал Конрад и потянулся за второй порцией, побольше, которую проглотил с таким аппетитом, будто не ел несколько дней. – Кто бы мог подумать, что селедка может быть такой разносторонней?

Мы дружно рассмеялись, а вскоре все уже пробовали разные сэндвичи, угощая друг друга, а Софи и Мэс давали разъяснения, где что.

– Что у нас дальше по расписанию? – глянув на наручные часы, спросил Бен. Мэс только что расплатился, и мы стали выбираться из-за стола, скрипя стульями и толкаясь с тем добродушием, которое рождает хорошая еда, полные желудки и двухчасовой отдых за обеденным столом. – Мне необходимо сделать несколько звонков. Заканчиваю работу над статьей.

Не обращая внимания на его скучающий тон (или просто не замечая таких нюансов), Мэс радостно заулыбался.

– Сейчас у вас свободное время, можете отдыхать и делать что захотите. Вечером мы ужинаем в ресторане вашего отеля, а потом предлагается пораньше лечь спать, завтра у нас напряженный день. Утром мы отправимся в кафе «Варме», где вы познакомитесь с Евой Вильдер, и она покажет вам, как готовить датскую сдобу.

У Бена вытянулось лицо.

– Превосходно.

Софи в предвкушении потеряла руки.

– Ничего ты не понимаешь, брюзга, – это же здорово.

Вот молодец! Я готова была расцеловать Софи, хотя в ее устах эти слова прозвучали совершенно не обидно. Мне показалось даже, что этот ворчун ей почти улыбнулся.

Заранее понимая, что делаю непозволительную глупость, я все же не удержалась.

– Только подумайте, Бенедикт, как вы поразите вашу девушку своим искусством кондитера, – ляпнула я.

Кисло осмотрев в мою сторону, он надел куртку.

– Во-первых, не Бенедикт, а Бен, во-вторых, у меня нет девушки. И мне никого не нужно поражать.

– А как же родственники? – не унималась я, сама не понимая, какая муха меня укусила. – Я уверена, им понравится, если вы им что-нибудь приготовите.

Его рот сжался в мрачную линию, и – будто захлопнулись ставни – всякое оживление с лица исчезло. С непроницаемым холодным выражением он равнодушно посмотрел сквозь меня, куда-то в сторону окна.

– Возможно.

Не поглядывая я на него тайком на протяжении всей поездки, может, ничего бы и не заметила. Но я поняла, что невольно затронула какую-то большую тему.

– Извините, – пробормотала я, краснея.

В его взгляде отразилось крайнее удивление. Бен с недоверием, почти испуганно взглянул на меня, но затем глаза сузились, и к ним вернулось непроницаемое выражение. Он кивнул, молчаливо принимая извинения, после чего отвернулся. И таким одиноким, почти несчастным показался он мне в эту минуту. В груди шевельнулось сочувствие. Этот обмен репликами остался незамеченным, наш народ шумно собирался, одевался, проверял, не забыл ли кто сумки. Я смотрела ему в широкую спину, чувствуя себя неловко, как будто вторглась во что-то запретное. Ведь кто-кто, а я-то могла бы и сообразить. Мне ли не знать, какие сложности бывают в семьях. Целую минуту я боролась с желанием подойти и сочувственно положить ему руку на рукав. Вряд ли он сказал бы мне за это спасибо, да я этого и не ждала. Просто хотелось дать ему понять, что я его понимаю. И что он не один.

Глава 11

– Я без сил, – выдохнула Аврил, входя в вестибюль нашего отеля. – А проклятые ноги просто меня убивают. – Она сбросила шикарные кожаные мокасины с бахромой («Рассел и Бромли», не хухры-мухры) и осталась в одних чулках. Выхватив из кармана мобильник, она принялась фотографировать свои точеные ступни.

– Сейчас отправлю это в Твиттер... Усталые ножки, хештег Прекрасный Копенгаген, смёреброд, Амалиенборг. Всё супер. Хештег причуды пресс-тура.

Я в точности знала, каково ей сейчас, потому что и сама была на ногах с пяти утра.

Хотелось только одного: принять горячую ванну (в таком отеле это особая роскошь) и насладиться чашкой горячего чая.

– Стаканчик спиртного поставит тебя на ноги, – заявил Конрад. – Самое время пропустить по маленькой. Как насчет здешнего бара, Кейт, дорогуша?

– Мне кажется, все немного устали, – а кое-кому еще предстоит работать. В моем почтовом ящике скопилась масса сообщений, требующих ответа.

– А вот я не прочь. – Дэвиду, кажется, предложение пришлось по душе. – Неплохая идея.

– Но хватит ли нам времени, чтобы подготовиться? – заволновалась Аврил. Зажав туфли под мышкой, она вынула из сумочки зеркало и проверила макияж.

– Вагон времени. К тому же, милая, ты и так ослепительно хороша. – Конрад слегка поклонился (дамский угодник старой закалки), но тут же добавил немного насмешливо, так что все дружно рассмеялись: – Ручаюсь, ни один не вытолкал бы тебя из своей постели.

Аврил, стоявшая рядом со мной, натянуто улыбнулась, и, кажется, только я услышала, как она пробормотала себе под нос:

– Не уверена, что мой муж это одобрил бы.

К моему большому сожалению, после кратких переговоров Конрад соблазнил всех, кроме Аврил и Бена, походом в бар, а эти двое направились к лифтам. Я смотрела им вслед с некоторой завистью.

Вот оно, начинается, это то, чего я так боялась. Все выходит из-под моего контроля.

– Кто что будет пить? – бодро поинтересовался Конрад. – Мы ведь можем записать на твой счет, верно, Кейт?

Я выдавила жалкую улыбку. Господи, счет наверняка будет чудовищным. Меган меня убьет.

– Мне только воду без газа, спасибо, Конрад, – пролепетала я в надежде, что остальные кутилы устыдятся и последуют моему примеру. Зря надеялась. Три пива и большой бокал красного вина, за которые позже мне был выставлен счет на астрономическую сумму.

Я изнывала от желания хоть на время прервать «несение вахты» и немного расслабиться. Однако, вернувшись наконец в свой номер, я поняла, что в тихой роскоши номера мне как-то неуютно. Тишина была просто мертвая, что тоже не способствовало хорошему настроению. Чемодан я уже распаковала, но еще не была готова хвататься за разборку электронной почты. Я чувствовала себя какой-то неприкаянной. Пробежалась по телевизионным каналам – всё оказалось по-датски, кроме новостей Би-би-си.

Их я и оставила, чтобы обеспечить фоновый шум.

Это было так непривычно – что есть время для ничегонеделания. И от этого я растерялась, не зная, куда себя девать.

Взяла телефон и отправила Конни фотографии открытых сэндвичей с обеда, подписав *Смёрреброд*.

Тяжелая у тебя жизнь, крошка, но кто-то же должен страдать. А вот я практически по уши в лягушачьей икре – у наших пригостишек в очередной раз «Весенний дозор»¹⁴.

Она прислала мне фото своей брючины с налипшим на нее куском мармелада и подписала *Гарриброд*. Я фыркнула и от души посмеялась. Конни всегда удавалось поднять мне настроение, хотя она пришла бы в ярость, узнав, что я не смогла получить максимум удовольствия от этого бархатного номера, сказочной ванной комнаты и от возможности, забыв обо всем на свете, понежиться в потрясающей ванне.

Я выбрала на мобильнике любимый плейлист – несколько треков инди-рока – и стала наполнять ванну.

Напустив в воду пены с ароматами шалфея и морских брызг и подпевая «Кингз оф Леон», я уже чувствовала себя намного лучше. Мне ведь так редко удается поупражняться в пении. В детстве я постоянно пела, распевала во все горло – в школьных постановках, потом в университетских любительских спектаклях. Но с возрастом эта привычка прошла. Я и забыла, как здорово это может поднять настроение.

Одеваясь к ужину и подбирая макияж, я вспомнила, что неплохо было бы поставить телефон заряжаться. Хотя бы ненадолго, перед тем как спуститься. Сунула руку в сумку, поискала зарядку. И не нашла.

Мысленно я прошла по своей квартире – и отчетливо вспомнила, буквально увидела, как зарядка лежит на кухонном столе, забытая. Черт, черт, придется теперь искать у кого бы одолжить.

Ресторан нашего отеля, верх элегантности и роскоши, располагался на верхнем этаже, откуда открывался вид на туманно-серое море и небо. Все столы были покрыты тяжелыми камчатными скатертями, весь зал был в цветах, а на каждом столе стояли вазочки с мышинными гиацинтами.

Когда я подошла, не хватало только Бена и Аврил. Я заняла место рядом с Дэвидом. Конрад уже успел заказать бутылку красного вина и что-то громогласно вещал, помахивая бокалом. Невольно поморщившись, взяла меню. В кронах (курс валюты был примерно восемь крон за фунт) и без того высокие цены казались совсем уж заоблачными. Самая дешевая бутылка стоила пугающе много, четыреста пятьдесят крон – к счастью, подсчитав, я поняла, что в наших деньгах это какие-то жалкие полсотни.

– Привет, Кейт, – провозгласил Конрад. – За нашу хозяйку.

– Он что, так и не вылезал из бара? – чуть слышно спросила я у Дэвида.

– Нет. Я быстро ушел к себе, а когда опять спустился, он все еще торчал в баре. Мне пришлось вытаскивать его оттуда на ужин.

Мы оба невесело уставились на жилистого и поджарого Конрада.

– И как в него столько влезает... – Я тряхнула головой. – И ведь он никогда не кажется пьяным.

Дэвид наклонил голову.

– Он не так много пьет, как ты думаешь. Заметь, он никогда не опустошает бокал. Только подливает по чуть-чуть. Хотя и того, что он все же выпивает, хватило бы, чтобы свалить с ног парочку дюжих регбистов.

Появилась Аврил, ослепительно красивая в обтягивающем алом платье. Пока она шла по залу, вслед ей повернулось немало голов. Подойдя, она раскапризничалась, заявив, что не хочет сидеть в конце стола. Пришлось нам устроить небольшую перестановку, так что Аврил

¹⁴ *Springwatch* (а также *Autumnwatch* и *Winterwatch*) – ежегодные телесериалы ВВС, в которых рассказывается о том, что происходит в разное время года в дикой природе Британии.

оказалась в середине, рядом с Софи и Конрадом и напротив Мэса и Дэвида. Фиона с довольным видом скользнула на место по другую сторону от Дэвида.

Я посмотрела на часы. Бена до сих пор не было.

Подожли официантки, чтобы принять у нас заказ.

Обойдя стол, я шепотом спросила Мэса:

– Не надо ли нам подождать Бена?

Парень помотал головой:

– Нет, знаю по опыту таких туров, что не надо ждать, иначе весь график полетит. Было назначено время, он опаздывает уже на десять минут. Ничего страшного, сделает заказ, когда появится.

– Пожалуй, я ему позвоню.

Зачем я это делаю? Пусть бы голодал, дурак неблагодарный.

Заметив меня на выходе из зала, бармен махнул мне рукой.

– Вы из номера триста двадцать один? Не могли бы вы подписать счет за пользование баром?

Я икнула, увидев цену за выпитое Конрадом в мое отсутствие.

Подписав счет, я вышла и набрала номер Бена. Батарея на моем мобильнике почти совсем разрядилась, на индикаторе оставалась всего одна полоска. Мне ответил автоответчик. Я подождала минутку, быстро проверив свою электронную почту, а потом снова позвонила. Снова нет ответа. Я отправила эсмэску, стараясь, насколько могла, держаться в рамках вежливости.

Ждем вас, чтобы сделать заказ. Как скоро вы планируете появиться? С уважением, Кейт.

Нам уже подали горячее, а Бен так и не подошел, и на мое послание ответа не было. Я сжимала под столом кулаки. Вот ведь шило в заднице, видно, так и будет до конца мотать мне нервы.

Официантка собирала пустые тарелки, а он так и не осчастливил нас своим присутствием.

– А вы, Кейт?

– Что, прости?

– Ты будешь что-нибудь? Сыр? Или десерт?

– Ммм... а все что-нибудь берут?

Опустив глаза на телефон, я увидела эсмэску от Меган.

Как дела? Журналиги себя ведут прилично?

Кошмар, что бы она сказала, узнав, что Бен уже от нас отделился?

– Я ничего не знаю о датских сырах, кроме, пожалуй, данаблю¹⁵, – призналась Софи, – и хотела бы получить о них представление.

Конрад присоединился к дегустации, хотя я не была уверена, что он хоть что-нибудь вообще понимает в сырах. Просто он, судя по всему, не мог пропустить никакую халяву. Я уже не удивилась бы, если он вдруг вытащил пару пакетов и упаковал в них оставшийся на столах хлеб.

Снова проверив мобильник, я обнаружила, что он окончательно разрядился. Это открытие побудило меня к активным действиям.

– Я пойду проверю, что там с Бенедиктом.

Не дожидаясь, пока кто-то скажет хоть слово, я вылетела из ресторана.

Несясь по коридору, я должна была бы сразу догадаться, что номер Бенедикта – тот, у двери которого на полу стоит поднос с пустой посудой.

Он заказал ужин к себе в номер! Ну разве не наглость?

¹⁵ Датский сыр с голубой плесенью.

На мое счастье, у двери оказался звонок, иначе я колотила бы в дверь как ненормальная. Я нажала на кнопку и не отнимала от нее пальца.

Спустя примерно минуту за дверью раздалось сонное ворчание и чертыхание. Наплевав на это, я упорно продолжала давить на кнопку.

Дверь распахнулась. На пороге, подслеповато моргая, возник сонный, взъерошенный Бен в черных трикотажных трусах – и всё! У меня вдруг мгновенно пересох рот, и я поняла, что означает выражение «стеснение в груди».

– Что за... – хмурясь, пробормотал он растерянно... Ах, до чего ж он был хорош!

Он не имел права так выглядеть, быть таким милым, сонным, симпатичным. Какой же он очаровательный, этот грубый, мрачный и отвратительный тип.

– Извините, я о вас беспокоилась. – Ехидный тон ясно показывал, что речь идет совсем не о заботе. – Куда вы пропали? Забыли о времени?

И я выразительно кивнула на поднос на полу.

Вместо того чтобы хоть сейчас извиниться, этот мерзавец повернулся ко мне спиной и потопал к себе в комнату, оставив дверь нараспашку.

Ошарашенная и уязвленная, я открыла рот... но из него не вылетело ни звука. Что было делать? Пришлось идти за ним следом.

Не обращая на меня внимания, практически игнорируя, он завалился в кровать и в тот же миг его глаза закрылись.

Что – за – черт!

Я стояла, уставившись на него и бессильно сжимая кулаки. Вот же... вот же...

Он спал, как будто меня здесь не было, а я была! Я была в таком шоке, что ни сказать, ни сделать ничего не могла.

Что же это такое, почему он не явился ужинать вместе со всеми? А вдруг он... заболел? Может, ему плохо? Я принялась, как будто разгадка могла оказаться в этом, но в комнате пахло вполне нормально.

Растерянная, я стояла вот так в полумраке чужого номера и слышала, как бьется мое же собственное сердце. Прикроватная лампа, которую он оставил включенной, испускала неяркое золотистое свечение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.